

Александр Кравец

Посвященный

Книга I. Маарон и отравленные земли

Александр Кравец

**Посвященный. Книга I.
Маарон и отравленные земли**

«Издательские решения»

Кравец А. В.

Посвященный. Книга I. Маарон и отравленные земли /
А. В. Кравец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858573-9

Майкл Брукс уже долгое время видит странные сны. В них он в роли неизвестного рыцаря переживает события, происходящие в странном мире. Долгое время он не подозревает о том, что эти сны неразрывно связаны с ним и что на судьбе у него написано стать Посвященным – человеком, который должен будет изменить все...

ISBN 978-5-44-858573-9

© Кравец А. В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог. Руина	6
Глава I	9
Глава II	28
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Посвященный

Книга I. Маарон и отравленные земли

Александр Валериевич Кравец

© Александр Валериевич Кравец, 2017

ISBN 978-5-4485-8573-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается Павлику, моему брату и большому любителю литературы. Надеюсь, ты прочтешь это когда-нибудь

«Пора идти

Время возвращаться» (Стивен Кинг)

Пролог. Руина

Серой цепью тянулась полоса раннего рассвета, озаряя своим трупным светом все, что не было скрыто за руиной. Под небом лежала уставшая земля, обезображенная неизвестной болезнью, пожравшей сотни лет назад весь ландшафт, оставив лишь кожу земли, покрытую корой и слоем вулканического пепла, давно уже засохшего – точно отмершей плотью. Над этим бескрайним загнившим полем низко плыли воздушные корабли, темные распухшие пятна на тле нездорово-зеленого неба. Ядовитые облака, готовые испустить свою отраву в любой момент.

Повсюду застоявшийся воздух, давно превратившийся в яд, смердел своей тяжелой застоявшейся вонью.

Приглушенные расстоянием раскаты грома врезались в его слух, заставляя каждый раз прикрывать глаза. Лицо его было скрыто за куском рваного рукава, содранного с одежды. Чувствуя, как воздух вокруг становится тяжелее, он прикрыл лицо куском ткани, надеясь тем самым уберечь остатки своих легких (хотя в глубине души понимал – это ему не поможет)

Его правая рука кровоточила все сильнее с каждой минутой. Шрам под плечом багровел кровавой юшкой даже через кусок лат. Вокруг смердело так, что глаза его начали слезиться, взор его помутнел от влаги и шаги его сделались короче.

Под ногами километрами стелилась грязь, в которую с каждым новым шагом на треть зарывались ботинки.

Боль в руке усиливалась в такт тугим ударам сердца, в то время как черная, беспросветно огромная туча подплывала с востока, разделяя небо на две одинаково темные половины.

«Мне не добраться...» – Отчаянно думал он про себя. «Я так и погибну здесь, посреди этой пустоши. Кровь льется из меня все быстрее, а ядовитые тучи не придадут сил. Останется лишь сказать себе (остановись), сдаться и больше не держаться за эту тонкую серую нить под названием жизнь»

Он думал, насколько же поэтично можно изобразить смерть – самое худшее в этом жестоком мире. От этих мыслей к нему подскакивало отчаяние, ведя за собой тошноту. Оба этих чувства подступали из горла и делали это быстро.

Он упал на колено и сорвал с лица тряпку, бросив ее на землю. Долгий подол его тяжелых доспехов скатился клубком у коленей, правый наплечник, вогнутый ударом какого-то всадника, свалился в грязь. Он выблевал на землю, отталкиваясь от нее целой (левой) рукой.

Подняв свою изувеченную горем голову к небу, он закрыл глаза и глубоко вздохнул. Внутри все горело, а плечо судорожно тряслось от зарождающейся в нем лихорадки.

Внезапно над его головой на огромной высоте пролетело колоссальное белое копьё молнии, разрастаясь в небе бледным цветком. Свет от вспышки осветил землю впереди, и он разглядел в туманном воздухе тусклый образ человека. Настолько слабый, что его легко можно было не разглядеть на тле могучих теней.

Призрак тот расплывался в густом воздухе, но прищурившись, он разглядел впереди образ рыцаря в доспехах. Все четче с каждым мигом становились очертания его и вместе с мечом в его руке, развиднелся город за его спиной. Тот словно выплыл из другой реальности, из этого сна. А рыцарь теперь казался гораздо ближе. Песчинкой на тле немислимого виденья за своей спиной.

«Вот тот, кто лишит меня жизни» – Подумал он в облегчении, и рука его тут же обхватила рукоять меча. Скрепив хватку аж до белых ногтей, он подумал о семье. О том, какими могли бы быть его дети, не будь всего этого. В голове его мелькнул образ красивой

рыжеволосой девушки: она бежит по полю из лиственного вереска и сирени. Позади нее расцветает восходящее солнце, а впереди ее ждет долгая счастливая жизнь (вместо скорой смерти). Ее волосы каскадами спадают на плечи, а глаза горят любовью и неподдельной радостью... и еще... она улыбается, улыбается ему.

Эту светлую картину, как холст было разорванно пущенной стрелой. За то время, пока воспоминания сверкали в его голове яркой картинкой, рыцарь натягивал тетиву.

Стрела со свистом ворвалась в его левое бедро, проделав в кости огромную трещину. Он вскрикнул и, плюясь кровью и скрепя зубами, повалился на землю. Меч в вытянутой руке выбрался из ножен и повалился на грязь. Сверкнула вторая молния и в ее ярком свете рыцарские доспехи отблескивали сизыми бликами. Шагал он быстро, звук его поступи отзывался эхом вдоль всего пустого поля. За спиной его горели в бледно-зеленом свете солнца крыши гигантских зданий.

Рыцарь подступал все ближе и ближе, лука в его руках уже не было
«решил расправиться со мной в ближнем бою» – подумал он «нужно как можно скорее вытащить стрелу»

Опираясь на меч, он снова начал подвигаться, не зная, какая сила толкает его на борьбу, даже когда отчаяние подступило к нему в упор, он не сдавался.

«Тебя никто не спасет» – шепчет ему здравый рассудок, вопреки тому, что даже он сам готов в любую секунду отказаться от этих слов при мельчайшем шансе.

Но шансов не было, и из висков время-от-времени доходил жалостливый голос.

– Ты должен сдаться... – Шептал ему голос рассудка.

Но он не хотел сдаваться

Отыскав в себе равновесие, он смог стать прямо и теперь в руку к нему возвращалась сила, а в разум вместе с новыми мыслями приходила еще и смелость. Туман за спиной у рыцаря рассеялся, показав величественные замки, вереницы пологих улочек, высокие, как горные хребты. Просто немислимых размеров фасад церкви стоял посреди города, ставшего руиной. Ее одна единственная башня многокилометровым шпилем доходила до самого неба, а верхушка пряталась за мертвыми облаками.

«Вот, куда ты так долго добирался» – сказал он себе. «Вот ты и здесь, но пустят ли тебя?»

Ответ был прост.

Рыцарь, который теперь не шел, а бежал, был на расстоянии метров трехсот, так что теперь можно было рассчитать его рост: не меньше двух с половиной метров, не считая крыльев на верхушке шлема. Огромный, широкий, опасный – враг, который не отступит.

Сжав пальцы на рукояти меча, он приготовился к рывку. Большой палец он загнул под гарду и стал в стойку с открытой рукой.

«Последнее, чего он от меня ждет – атаки наперерез»

Сердце за нагрудной пластиной бешено колотилось, прорываясь сквозь грудную клетку, по лицу стекал пот, ощущение страха металось со стороны в сторону красным пятном, застилая взор. Он вот-вот упадет ниц на землю: обессилен. Его пересохшие уста больше не произнесут слов: он онемевает. Его пальцы не сожмут меча: он не сможет ими двигать.

Его сердце больше не забьется...

Ведь он умрет...

Рыцарь бросился вперед с яростным воплем. Меч вознесся над его головой в стремительном и яростном взмахе.

РЫВОК!

Тишина.

В холодном поту, посреди ночи, в другой реальности, в невыносимом расстоянии от своих сновидений проснулся от ночного кошмара парень по имени Майкл. Сердце его толкало холодную кровь по венам, и он буквально чувствовал это. Глубокими вздохами он беззащитно хватал воздух, затем все медленнее: успокаивался. Стук в висках превратился в ровное гудение, и оно медленно расплылось по всей голове. Звук, похожий на то, что издает работающий холодильник, смешивался с шорохом дождя за окном. Глубоко выдохнув, парень спустился с кровати и, посмотрев на часы (было без четверти шесть), сел за письменный стол. Достал из нижней тумбочки тетрадь и ручку, и начал писать, пытаясь ясно пересказать свой сон, боясь, что вот-вот забудет какую-то из важных деталей.

Так бывало и раньше: он просыпался от кошмара, садился и записывал все (что помнил) из того, что видел. Так он делал вот уже больше трех недель.

И теперь он повторяет этот самый, уже прижившийся ритуал, сам не понимая, зачем он это делает.

Просто... он чувствовал, где-то в глубине души, что эти сны не бесполезны.

Закончив писать, он вернулся в кровать, достал из-под подушки Айпод, закрыл глаза... и отправился на легких волнах рок-н-ролла в царство Морфея.

Заснул он уже спустя минуту.

За окном в это время бушевал ливень.

Глава I

«Тетрадь»

Майкл тяжело раскрыл глаза лишь тогда, когда будильник на его телефоне раскричался на всю спальню. Золотистые лучи солнца освещали комнату через раскрытое окно, прохладный воздух поступал в спальню

– Вот блин! – Он дезориентировано оглянулся по сторонам. Отыскав сонными глазами источник назойливого шума, он вскочил, потерял равновесие и, повалившись на пол, потянул с собой простыню. От удара об пол он вскрикнул что-то невнятное, затем, отряхнувшись от остатков дремы, встал, подошел к столу и, взяв телефон, выключил назойливую мелодию «Металлики»¹, которая стояла как рингтон.

«Немного тяжелого рока поутру: пробуждает лучше холодного душа» – Подумал Майкл и по краям его рта начала проступать улыбка. Но как только взгляд его набрел на раскрытую тетрадь с лежащей на ней шариковой ручкой «Flair monitor», над его разумом будто нависла густая тень.

Тетрадь была раскрыта на той странице, на которой он описывал последний свой сон вчера ночью. От вида тетради в голове Майкла тут же взблеснула мрачная картина (земля, пораженная таинственной болезнью, тошнотворно-зеленое небо, смертельно раненый странник, идущий с последних своих сил куда-то...)

– Но куда? – Спросил про себя Майкл, натягивая на себя штаны.

Он на самом деле хотел бы знать. И с каждым днем его желание только усиливалось. Ведь эти сны начались относительно давно, больше двух месяцев назад. Майкл поначалу не обращал на это никакого внимания, в большинстве своем эти эпизоды испарялись из его памяти практически сразу после пробуждения. Но в какой-то момент он понял, сложив из эпизодов и осколков, которые остались в подсознании, цельную картину. С тех пор и появилась традиция записывать основные события этих ночных путешествий. Каждый следующий эпизод – продолжение предыдущего.

«Это как смотреть сериал, только немного по-другому» – Всплыло у Майкла в голове. – Немного... страшнее»

Он попытался загнать эту мысль подальше в подсознание, забыть о сне хоть ненадолго. «В конце концов, это всего лишь сон» – Со стороны ему самому эти слова показались глупым оправданием, ведь на поверхности стояли совсем другие мысли. Вся правда была в том, что Майкл сам до конца не знал, что есть правда, а что вымысел его воображения.

Но черт, как же ему становилось не по себе от этих мыслей. Его это злило. Очень. У него и помимо всей этой ночной хрени была целая туча других забот и жизненных вопросов, которые нужно было решать. Ведь окончание школы не за горами, а он и так не выбрал ни единого вуза для поступления. Оценки Майкла нельзя было назвать космически хорошими, но и возможности некоторые перед ним открывались. А помимо этого были друзья, веселые вечера, проведенные в их компании, на природе, у костра, а еще... девчонки.

«-Черт, да это ведь мои золотые годы! Каждый день на счету, а я трачу время не-пойми на что!»

«Хей-хо. А-ну пошли!» – подумал он, неожиданно разозлившись на самого себя.

Он и опомниться не успел, как его рука уже захлопнула тетрадь и потянула поближе к лицу. Он несколько секунд смотрел на обложку с изображенной на ней Феррари красного цвета налитыми кровью глазами, а затем, размахнулся и выбросил ее через открытое окно.

¹ «Металлика» – Американская металл-группа, образованная в 1981 году.

От злости его лицо, окрашенное точечной россыпью прыщей, которые он ежедневно намазывал маминым тональным кремом-пудрой (Только тсс! этот секрет известен лишь ему одному) еще сильнее покраснелось.

Но затем он успокоился. Мысли пришли в норму, а тетрадь пусть себе валяется на мокрой после дождя земле, там ей и место.

Натянув черную футболку с принтом «Deer Purple»² на спине, Майкл выбежал из комнаты и, спускаясь на первый этаж, учуял запах горелого бекона и яичницы.

«Завтрак чемпиона» – Как любит его называть мама. Хотя, по мнению Майкла, подобные фразочки ушли в ранг «Моветон» еще в середине восьмидесятых и казались застарелыми даже для самых заскорузлых стариков.

Идя навстречу запаху, он встретился в кухонном проеме с отцом. Высокий, в очках с самого детства и с короткой рыжей бородкой на лице, Гарольд Брукс завязывал галстук на своей крепкой, жилистой шее.

– Ну, как дела Майкл? Как спал? – Спросил он громким, своим любимым голосом Строгого, Но Справедливого отца: громким, но приветливым.

– Отлично, – Ответил Майкл.

Выражение лица Гарольда было бодрым, борода аккуратно подровнена, а волосы на голове причесаны. Улыбка на весь рот предвкушала очередной отличный рабочий день. Майклу же в свою очередь не нужно было идти никуда: за двором расцветал июль. Солнце, поднимая ртуть в термометрах все выше и выше, прямо к рекордным значениям, разгоралось, предвкушая горячий день. Майкл за эти почти полтора месяца лета успел загореть, преодолев на днях отметку «Средняя прожарка». Отец же его выглядел бледно. Работал он в офисе, уже более трех лет и даже спустя столько времени Майкл не может до конца привыкнуть к этим его постоянным дневным и ночным звонкам из фирмы. Да, в свою очередь такая работоспособность влечет за собой хороший денежный доход и вместе с этим повышение в должности и прочие прелести карьерного роста. Но все равно Майкл видел, как медленно, но уверенно его отец превращается с подтянутого и довольно крепкого человека в худеющего, сгорбленного работягу, который живет от смены до смены, всецело отдаваясь отчетам, бюрократической писанине, и бог весть еще чему. При этом тратя на собственную жизнь совсем немного времени. Одним словом – тудяга.

Но, тем не менее, отец никогда не жаловался Майклу на работу или, в общем, на жизнь. С какой стороны не глянь, у семьи Бруксов все отлично.

– Куда-нибудь сегодня собираешься? – Спросил отец, подходя к зеркалу, что стояло в прихожей, пытаясь справиться с галстуком. – Или весь день просидишь дома, как истукан?

– Ну-у, вообще-то я хотел сегодня с другом пойти, куда ни будь, но ты подкинул мне отличную идею.

Майкл вошел на кухню, на столе стоял завтрак, а на холодильнике не приметная записка зывала внутрь словами (*открой меня!!!*)

Заглянув внутрь, Майкл обрадовался, увидев несколько готовых бутербродов и пару баночек с-под колы, затем, выглянул из-за дверцы и спросил:

– А куда это мама поехала?

– Поехала в супермаркет, – Прозвучал приглушенный папин голос, идущий из прихожей, – Взяла мой форд со словами, что не может и с места съехать на моем, цитирую «Гадком металлоломе!»

² «Deer Purple» – Британская Рок-группа, образованная в феврале 1968 года в Хартфорде, Англия, и считающаяся одной из самых заметных рок-групп 70-х

Майкл сел за стол, широко улыбаясь. В словах мисс Милдред Брукс была доля правды, машина папы нуждалась либо в капитальном ремонте с тех обслуживанием. (Либо в тягаче с билетом в один конец на старый-добрый авто-пресс!)

– Так ты что, собираешься поехать на своем Плимуте? – Спросил он негромко, почти вкрадчиво, надеясь, что ответ будет «нет». Майкл еще с прошлого лета мечтает о собственной машине. И даже при том, что прав у него не было, желание прокатиться все так же было сильно.

– Нет...

У Майкла на лице расцвел почти блаженный оскал. Он был готов в эту же минуту вскочить со своего стула и броситься к гаражу.

Отец заглянул в комнату с подозрительным выражением лица и спросил:

– А тебе она зачем? – Спросил он тем самым родительским тоном.

– Д-да так, просто.

Гарольд вошел в комнату, Майкл уже доедал яйцо. Рядом с ним лежал стакан с грейп-фрутовым соком (мама вычитала, на каком-то из тех дурацких интернет форумов, что это чертовски полезно, поэтому теперь они всей семьей пьют «Sandoga», хотя Майкл, смотря одну из телепередач, слышал совершенно противоположные вещи)

– Хотел куда-то поехать? – Гарольд подошел к чайнику и налил себе кофе, галстук на нем был завязан абы как, свисал немного.

Налив себе в кружку горячего кофе, сделав один короткий глоток, отце сел напротив Майкла.

– У тебя, это... галстук свисает. – Указал пальцем Майкл.

Отец отмахнулся. – Никогда не понимал, зачем они вообще нужны. До этого обычно их Милдред завязывала, а сегодня прямо спохватилась, даже не позавтракала. – Он вздохнул, – Мне никогда ее до конца не понять. Как взбредет что-нибудь в голову, так и не остановиться. Я у нее спросил, почему это она так рано собралась. Она сказала, что не переносит жары, а последними днями, в ее оправдание, действительно было чертовски жарко, даже в машине с кондиционером, включенным на полную мощность эти сорок три градуса ощущаются, как жар пустыни. – Ну. И... вот, получается, сегодня мне придется добираться на работу чуть ли не пешком.

Вопреки тому, что папа и мама не всегда могли найти общий язык, тем не менее, они любили друг друга. Жилось им троем в одном доме очень даже неплохо. Крупных ссор не происходило довольно давно, Майкл уже и позабыл каково это, когда на тебя кричат предки. И это ему очень нравилось. Отчасти именно из-за этого он и не хотел распространяться насчет своих постоянных снов. Не хотел ломать эту идиллию. Возможно, ее бы он не поломал бы, но страх нарушить семейную обстановку был сильнее желания поделиться своей тайной.

– Стой, погоди, – Сказал отец. – Ты так и не ответил, зачем тебе моя развалюха.

– Хотел покататься.

На лице отца взблеснула горечь, он сделал еще один глоток из кружки.

– Дело в том, – Начал он, – Что в Плимуте, который уже сам по себе очень плохо выглядел и управлялся – никак не доходил до него руки – сам знаешь. В общем, в «старике» окончательно полетел аккумулятор, и теперь я даже вывезти его из гаража не могу. К тому же, до этого времени я постоянно ездил на «форде» и на работу, и в Маркет, уже после работы, так что твоей матери не нужно было ездить за едой, но теперь – видишь ли – ей почему-то понадобилась...

Майкл его перебил.

– То есть, Плимут не работает?

– Именно.

– И ты его не подчинишь?

– Если и подчиню, то нескоро: работы слишком много.

На несколько секунд запала тишина. Майкл хотел кое-что сказать. На самом деле он хотел сказать намного больше, но не стал. Наконец Гарольд посмотрел на часы и, чуть не поперхнувшись кофе, вскрикнул.

– Ну, все, малой, прости, но мне пора! А то, ... а то опоздаю, и босс меня линчует прямо на глазах у всего офиса.

Он вскочил со стула и, натянув на себя пиджак, помахал Майклу рукой... – Если соберешься пойти куда-нибудь, закрой поплотнее дверь!

– Ладно.

...и захлопнул входную дверь.

Майкл устало выдохнул.

Он подозревал, что папин Плимут не работает, но в душе его теплилась надежда. До теперь.

Поев, он помыл посуду, достал из холодильника баночку «Кока-Колы» и хлюпнулся на диван посреди зала.

По первому каналу новости (через из эксклюзивных репортажей с мест ДТП и перечисление несчастных случаев по всей стране, начиная от семи самоубийц в Каролине и заканчивая взрывом на нефтяной вышке). По второму крутили клип какого-то черного репера, Майкл ненавидел реп, считая, что все песни этого жанра похожи друг-на-друга, как азиаты. Тем самым забывая, что с его любимым роком все обстоит примерно так же.

Он еще несколько минут сидел на кресле, ворочаясь, зевая, переключая каналы в надежде найти хоть что-то удобоваримое. Как вдруг в голове у него снова загорелся тот самый образ. «Мертвая пустыня. Бледно-зеленые облака. Раненый человек, идущий куда-то. Рыцарь, направляющийся в его сторону... Он бежал навстречу первому, желая убить его... кто-то из них должен был погибнуть». Все размыто, но так невыносимо чувствовать это. Картинка, мрачная, но четкая, застилает глаза и бьет в самую глубину сознания. Как же невыносимо, когда ночной кошмар преследует тебя и за пределами снов. В этой реальности.

Настоящее впереди него растворяется. Голову заполняют пугающие мысли: «А что, если это не просто сон? А что, если это...» Так не хочется верить в то, что что-нибудь нематериальное в один прекрасный день неожиданно обретет ту самую форму, став тем самым частью реальности.

Это бессмысленно. Никогда ничего подобного не произойдет.

Или все же?...

– Нет! – Вскрикивает он и выбегает на улицу, забыв закрыть входную дверь.

Солнце бьет ему в лицо своими теплыми утренними лучами. Его взор встречает широкая улица. По всем дворам рассыпаны поливочные шланги, все они пускают водяные струи и от каждой исходит небольшая радуга, хотя земля все еще усыпана мелкими лужицами от вчерашнего дождя. Мимо домов проезжает запоздалый почтальон, бросая в каждый двор по одному выпуску свежей желтой прессы.

Пройдя через передний двор, Майкл прошел мимо отцовского гаража, наполненного инструментами, но уже давно не использованного. Можно даже сказать – заброшенного.

Раньше Гарольд увлекался автомобилями, помогал своему отцу начиная с раннего детства, когда его семья жила в Девлине что в штате Мэн. Этот сарай раньше вечно гудел, скворчал и шипел разными инструментами, и у Майкла в мыслях не было называть его сараем. Всей семьей Бруксы окрестили небольшой гаражик АВТОМАСТЕРСКОЙ ГАРОЛЬДА И М. МЛАДШЕГО. И это было здорово, через него прошло несколько раритетных агрегатов, которые Гарольд успешно отремонтировал. Делал машины для старых друзей, рихтовал всякий мусор по заказам и занимался он этим не профессионально. Со стороны это выглядело как хобби, но Майклу хотелось думать иначе.

Но последние пять лет Гарольд и ногой туда не ступает. И называть это место сараем теперь, похоже, правильнее всего. А все из-за аварии, что произошла отцом девять лет назад.

Гарольд не любит распространяться по этому поводу, но из слов матери Майкл построил примерно такую сцену:

Дождливое осеннее утро две тысячи восьмого. Майкл едет на своем новеньком шевроле (первая старая машина, которую он купил за свои деньги еще, когда учился в колледже) вдоль шоссе 211 на пути в родной город Девлин. Там у него намечалась встреча выпускников.

Майкл себе прямо-таки представил ощущения отца в тот момент «Волнение и радость, вперемешку с терпкими и ясными школьными воспоминаниями сплетаются в одну прочную нить предвкушения. Улыбка уже в его сердце и на его лице. Пальцы барабаният в такт какой-то мелодии по радио.

Внезапно из тумана ни с того ни с сего появляются два огня. Они приближаются, озаряя собой все впереди, слепя Гарольда, прорываясь сквозь разреженный ранний воздух, издавая глухой визг дизельного мотора.

Затем – столкновение с чем-то большим. Невозможно разглядеть ничего, гул в голове, воздух сотрясается, дыхание останавливается, два зуба вылетают изо рта. Все происходит за считанные секунды. Скрежет гнущегося металла, визг колес и грохот лопающейся подушки безопасности. Все это Майкл будто бы почувствовал на себе (у него с самого детства сильно развито воображение)

А затем, наступает затишье. И лишь звук крутящегося колеса по ту сторону улицы пробивается сквозь оглушительное молчание утра...

Все бы завершилось для Гарольда смертью, если бы не невероятное везение, которое в народе принято называть чудом. У папы были переломы обеих рук, перелом ноги, четырех ребер и куча других мелких и не очень повреждений.

Все это напомнило Майклу об одной раскрученной статье, которую он прочитал в две тысячи четырнадцатом: В ней приняли участие две машины, в одной из которых сидел знаменитый (теперь) писатель, Джейкоб Грин, а еще его сестра и отец.

«Одна из книжек этого автора лежала на верхней полке их домашней библиотеки. „Кома“, которую Джейкоб Грин написал после выздоровления. И да, Майкл до сих пор не прочел ее (лето не лучшая пора для просиживания задницы дома за книжкой)»

Но, тем не менее, он это столкновение пережил, в отличие от «форда», который затем был отправлен на свалку и водителя «кадиллака», который и врезался в его машину.

После этого отца ждал долгий и тяжелый период реабилитации. Больше семи месяцев врачи следили за его здоровьем, но, к счастью и к огромной радости всей семьи, Гарольд Брукс, тогда еще тридцати трех летний мужчина с хорошим здоровьем, смог выкарабкаться из пучины болезни и уже спустя год полностью восстановился физически. Но, увы, не духовно.

Даже спустя столько лет папа не сумел до конца избавиться от боязни дорог, автомобилей, и всего что имеет к этому отношение. Он какое-то время посещал психолога, но терапия не помогала, к тому же стоили сеансы, как ужин с Дональдом Трампом в отеле Плаза, (это если подсчитать стоимость всех десяти занятий, которое Гарольд посетил).

Желания и времени заниматься своим психическим здоровьем у него не было, да и к тому же, на горизонте, спустя тринадцать месяцев застоя появилась приличная работа в офисе рекламной фирмы «Шарп&Шарп», основанной еще хрен знает, сколько лет назад и рекламирующей всякую дребедень, лишь бы были заказы. И заказы были, а обилие заказов в свою очередь создает нужду в работниках.

Одним из таких дарований и стал отец Майкла. И все резко изменилось. Страхи и депрессия остались в прошлом, как и боязнь машин, деньги пришли немалые, так что даже Милдред отказалась работать продавцом цветов (чем она, собственно и зарабатывала весь тот год, который папа провел в койке) хотя очень любила свой маленький и уютный бизнес.

И теперь, после всех этих размышлений, Майкл стоит у стены «сарая» и, смотря в окно, увешанное изнутри шалью из паутины, не может поверить в то, что его отец, успешный и смелый человек так и не смог побороть какой-то там внутренний страх. Да, пускай пережить подобную аварию, это то же самое, что и вернуться из мира мертвых, но все же...

«Когда тебе дают второй шанс, стоит им воспользоваться»

Отец никогда не давал повода усомниться в своей смелости.

В отличие от Майкла.

Взять хотя бы тот долбаный сон, что приснился ему вчера. Что в этом кошмаре могло так сильно взбудоражить ум Майкла? Ведь их и до этого было не один и не два. Не мог же очередной сон стать последней каплей и окончательно сломить его. Или мог?

Вот именно. Майкл до конца не знал.

Он прошел дальше, огибая дом, идя к тому месту, куда из окна на втором этаже вылетела тетрадь. Аккуратный задний двор, не прокопается. Ровно стриженный газон. Все просто кричит, что в этом дворе все, так же, как и у других. Но теперь Майкл очень сильно в этом сомневался. Ему хотелось схватить эту тетрадь и снова в нее заглянуть. Просто чертовски хотелось... насколько же он сам не был готов признавать собственной слабости. Лицо его разгорелось, дыхание участилось, и ноздри его толкали воздух со звуком, похожим на бычье дыхание. Он размашистой походой, сжимая руки в кулаках подошел к тому месту, на которое открывался вид из его окна. Трава вдоль всего дома была подстрижена с таким же вниманием, какое мисс Милдред уделяет всему, за что берётся. Но была все же одна проблема – тетради не было.

Ее не было нигде.

По прошествии более сорока минут безуспешных поисков он окончательно выбился из сил. Внутри него все тряслось, сердце уходило в пятки от мыслей о том, что кто-то взял его тетрадь. Ту самую, в которой он на протяжении более трех недель записывал свои сны. И не было никаких сомнений в том, что тетрадь кто-то спер. Но все же, больше всего Майкла беспокоило не то, кто именно это сделал, а то – зачем?

Он сидел за столом на кухне и нервно стучал пальцами по столу. Его и самого удивило, насколько быстро отношение к тетради у него изменилось от ненависти до искреннего желания вернуть ее обратно.

Кто-то когда-то сказал ему, что жизнь большая лотерея, и теперь он всем сердцем верил этим словам. Каждый поступок имеет после себя последствия «обычно не очень радостные и очень часто совсем неожиданные»

А в случае с Майклом, так и вообще все худо складывалось. У него в тетради были собраны почти все сны, которые он видел. А теперь они у кого-то другого. Но кто же мог так нагло ворваться в его двор и стырить его тетрадь – быть может, самое ценно, что у него есть. И что теперь со всем этим делать?

«во-первых, успокойся. Дышать ровнее, желательно носом. Спокойно. Так, хорошо, а теперь: пойти наверх, взять другую тетрадь и попробовать записать последний сон как можно детальнее» Это неплохая идея, не так ли?

Он встал из-за стола и, уже было направился наверх, но тут во входную дверь постучали.

Внутри Майкла что-то опустилось. Тихая дрожь прошла по его телу электрическим зарядом. Из прорвы беспокойных голосов в голове он выбрал тот, который говорил, что все в порядке и что это, скорее всего его мама приехала из магазина. Ухватившись за эту мысль как за спасательный круг, он медленно и неуверенно двинулся навстречу входной двери, напрочь позабыв о том, что звука автомобильного мотора до этого не было слышно.

На ошупь дверная ручка показалась ему не то горячей как огонь ни то холодной как лед, но все же, он за нее взялся.

Медленно открывая дверь, Майкл думал, насколько громким может казаться стук собственного сердца в такие моменты.

Наконец, дверь поддалась его бессильному толчку и приоткрывшись, пролила на лицо Майкла струю теплого света. Тот прищурился. Затем, присмотревшись, рассмотрел фигуру, стоящую в проходе.

На пороге стоял невысокий парень одного возраста, что и Майкл. Толстый, в больших очках со стальной оправой, одетый в серую фланелевую сорочку, которая мешком выпиралась ему в плечах и рукавах, а еще в дурацкой футбольной кепке «Ред. Сокс» – команды, за которую болели абсолютно все в окружении Майкла, как и в школе, так и дома, но только не сам Майкл. Тот в свою очередь, увидев старого друга, еще с ранних классов, прямо-таки ожил. Цвет лица и выражение обрели приветливость и цвет.

– О, привет, Расти... – Сказал он, протянув другу руку.

– Здорова. – Расти сжал ладонь Майкла в довольно крепком рукопожатии и энергично помотал своей рукой.

Первое, что бросалось в глаза всякий раз, когда Майкл видел своего друга, это не лишний вес, нет. Заметнее всего в его образе была вечная раздолбайская улыбка на лице. Майкл вообще никогда не видел Расти в плохом настроении, и это вовсе неплохо, учитывая, что этого позитива ему как раз и не хватало.

– Майкл, я тебя так долго ждал у...

Майкл внезапно вспомнил, что хотел сходить с Расти в парк аттракционов, но из-за тетради обо всем забыл.

– Ну, ты прости, тут просто... произошло кое-что неприятное.

– Да ничего, я не в обиде, – Он снова улыбнулся тем самым легкомысленным образом, от которого Майклу стало неловко, и он почувствовал себя еще более виноватым.

– Слушай, ты не мог бы подождать меня минуту. Я сейчас вернусь и...

– И мы ходим в парк, там как раз все сейчас тусуются!

– О, хорошая мысль — Майкл медленно-почти вежливо- прикрыл дверь перед лицом у Расти.

Отдышавшись, придя в себя, он вернулся к мыслям о тетради и прочем. Так не должно быть, не может же человека так волновать какой-то сон. Блин, да даже его бабушка, которая отживает свой восьмой десяток в уютном домике в Бостоне не верит всяким сонникам и прочим пережиткам прошлого.

Решено! На сегодня никаких мыслей о снах и про всякую чушь, кроме той чуши, которая нравится ему.

Майкл улыбнулся самому себе. Стало ли ему легче, ничуть. Но зато ему показалось, что стало Легче, и он принял это мимолетное ощущение как должное. А это уже прогресс. Потому что большинство современных терапий построены вокруг самовнушения. Взять хотя бы эффект плацебо.

Так о чем это мы?

Он взял ключи и вышел наружу. Расти стоял у дороги и наблюдал, как по улице проезжает какой-то пикап. Майкл хлопнул его по плечу и сказал.

– Ну давай, пошли уже.

– Ага, слушай, а Ребекка классная... – Сказал Расти, с издевкой на лице.

Майкл с наигранной суровостью поднял на него указательный палец, – Не вздумай к ней подкатывать, она моя девушка.

Они прошли две улицы и, миновав светофор на пересечении пятой и седьмой авеню, спустились в один из беднейших кварталов города. Это было заметно во всем. То, какими престарелыми выглядят дома, то, какими поврежденными кажутся передние дворики со своими

косыми заборчиками и нестриженной травой. Это все давно не удивляет Расти, но в отличии от него, Майкл привык видеть опрятные дома на своей родной улице. И хотя до этого он не раз и ни два проходил мимо этих домов, вид разбросанных мусорных мешков, из которых кучами валяются бутылки из-под пива, шприцов и прочего все еще не давал ему покоя. Особенно сильно его переклинивало от вида детских игрушек и маленького зеленого трехколесного велосипеда у входа в дом под номером 112.

Вид уже старого, заржавевшего, с отломанным колёсиком велика, стоящего рядом со старым викторианским домом, окна которого на чердаке были забиты изнутри деревянными досками заставлял нервно сглотнуть.

А тем временем, пока Майкл метался от одной пугающей мысли к другой, Расти, продолжал говорить что-то, но его голос был очень далеко, за пределами невидимой сферы, коей оградились разум Майкл, погрязнув в пучину размышлений. Эта сфера так же внезапно лопнула от столкновения его кроссовка с камнем. Майкл чуть не упал, но сумел удержать равновесие.

– Ты чего? – Спросил у него Расти.

– Да нет, все отлично. Просто... задумался. – Ответил он.

Расти измерил его подозревающим взглядом. Запала недолгая пауза, после которой друг Майкла снов натянул на лицо свою фирменную улыбку.

– Пошли уже. – Сказал он, и они пошагали дальше, и вскоре спустились к набережной.

Вдоль реки воздух был свежее, чем ближе к центру города, но, вопреки этому, воздух неуклонно разогревался, и Майкл уже начинал жалеть, что не взял с дому кепку.

Вдоль набережной стелилась ковром из машин огромная стоянка. Машин на ней по утрам было не так много. Парк, что располагался вдоль длинного пирса, пестрил разноцветными вывесками и аттракционами самых разных форм и цветов. Больше всего на расстоянии выделялись американские горки и, конечно же чертовое колесо сорока метров в высоту. Со стороны парка доносился радостный шум толпы и глухой гул, идущий от всего этого балагана.

– Вон, смотри! — Крикнул Расти, указывая на главные ворота, ведущие в парк. У него стояли, притулившись спинами к стене, трое его друзей. Двое пацанов – братья Ник и Клайд Ниссаны и девушка по имени Ребекка. Она – лучшее, что случилось с Майклом Бруксом этим летом.

Все трое дружно помахали ему, и, Расти, и они двинулись в сторону друзей.

– Мы тебя та-ак долго ждали! – Крикнула Ребекка, бросаясь Майклу в объятия. Она поцеловала его в щеку, и он, наконец впервые за этот день почувствовал настоящую радость. Смотря в ее темно-синие глубокие, как океан глаза, он как будто расцветает внутри, и улыбка добирается до его уст и сердце его радостно трепещет, разгоняя кровь, заставляя ее биться по всему телу.

– Ага, действительно опоздал, – сказал Ник: Высокий, длинноволосый восемнадцатилетний «раздолбай-рокер», как любит называть его мама. Она же мисс Марта Нисан. И в этих ее словах есть очень, очень большая доля правды. – Лучше бы ты не приходил, нам и без тебя было весело. – Сказал он приглушенным, нарочито мрачным тоном, улыбаясь при этом почти до ушей, при этом брови его, как всегда, были сурово опущены, чутка прикрывая глаза.

– Ник! – Ребекка недовольно фыркнула на него, очевидно не поняв шутки. – Хватит уже!

– Ты чего, шуток не понимаешь? Ник теперь не скрывал веселья в голосе.

– О! – Она обернулась к Майклу. – Там, возле чертового колеса ТА-АКОЕ вкусное мороженое продают, пойдём, Майкл!

Майкл хотел что-то сказать, но Ребекка схватила его за руку, и сама же потянула в сторону ларька с мороженым.

Расти побежал вслед за ними с криком «Мороженое!» За ним и близнецы.

Все впятером они проводили время вместе, как и раньше, веселились, острили и бросались в друг друга шуточными обзывалками и от души радовались жизни.

Майкл с грустью в сердце подумал, глядя на своих друзей, что именно такие короткие моменты вскоре забываются, теряясь в пучине повседневных мыслей. Всплывают они затем лишь в глубоко-взрослой жизни, когда больше всего на свете мечтаешь просто вернуться обратно, в то время, когда дни казались длиннее, а будущее не тянуло за собой к темноте с такой опасной скоростью.

Майкл подумал «Когда ты молод, больше всего тебе не верится в быстротечность жизни: ты кажешься себе бессмертным. Лишь кажешься» – и тут же забыл об этой мысли.

Они поели мороженого, покатались на паре аттракционов. Все это время младший брат Ника, Клайд и Расти вели разговор по поводу новой консоли, которая выходит в продажу через пару месяцев.

– Я готов продать почку, лишь бы попробовать новый Икс-бокс. —С трепетом в голосе говорил Расти.

– Ага, а потом всю жизнь на таблетках жить будешь. – Не смог сдержаться Ник, звонко рассмеявшись.

– Я серьёзно. – отозвался Расти. – У меня еще с прошлого года на старой приставке только первая часть «Мертвых Душ» и «Зов Долга 4»

– Ты что, до сих пор в «Темные Души» играешь?

– Поправка: до сих пор не прошел! А так да, ты прав, уже тошнит от этой игры... а все равно никак не добить того босса... ну как его. Гвина, что б его, Повелителя Пепла!

Майкл тем временем, увидев стойку с винтовками, крытую желто-белым шатром, решил приобщить их двоих к всеобщему веселью.

– Пойдем! – Крикнул он вслед друзьям, указывая на тир впереди.

– Кто хочет посоревноваться в точности? – Подзывал их к себе седоволосый работник парка в кепке с изображением Микки Мауса. – Вы? – Он указал пальцем на Майкла, тот в свою очередь показал пальцем на Клайда.

– Ну что же... тогда вы!

– Нет... – Робко ответил Клайд. – Я и стрелять не умею.

– Ну, давай! – Кивнул Майкл.

Клайд все еще глупо смотрел на ружье. Его круглые глаза выражали неловкость вперемешку со стыдом.

– Давай, Клайди! – Поддержала Ребекка, – попробуй, чего ты!

– Хорошо, ладно. – К лицу Клайда подскочила краска, но, тем не менее, он подошел к стойке с винтовками и осторожно взял одну.

Ник и Ребекка стояли по сторонам, Майкл наблюдал за действием со стороны, будучи позади всех.

– Десять патронов – пять долларов. – Сказал седоволосый.

– Сегодня все за мой счет. – Майкл протянул деньги и дядька с улыбкой (как не странно, довольно искренней), предоставил взамен десять стальных шариков.

Клайд сделал первый выстрел – промах, второй – промах, третий, четвертый, все в молоко. Лишь одна баночка вздрогнула, и то только от ужаса пролетевшей мимо пули.

Он отступил от стойки с мрачной улыбкой на лице.

– Вот видите, – сказал он. – Я просто не умею.

– Ладно, – Сказал Ник, отбирая у него из рук винтовку, – смотри и учись, пока я жив.

Он подошел к стойке, принял удобную позицию и тут же, не став ждать, пока дыхание выровняется, сделал первый выстрел. В этот самый момент по ту сторону тира жестяная банка подлетела в воздух, сделала кульбит и с хрустом тоненького металла приземлилась на пол,

покатившись к краю шатра. Тем временем он уже успел сделать еще два прицельных выстрела. С грохотом повалились еще две баночки, ложась, как гильзы.

По завершению этого обстрела было сбито пять баночек, при том, что в патроннике осталось шесть патронов.

Лишь один раз пуля пролетела мимо (хотя, баночка еле-еле, но все же пошатнулась).

– Ва-у...

Все были в восторге от того, как искусно он стрелял, но Ник, с таким же непроницаемым выражением лица просто положил винтовку на место с сухой улыбкой, которая могла таить в себе, как и насмешку, так и откровенный пофигизм.

– Вот так это и делается! – Сказал седоволосый, указывая на призы. – Настоящий снайпер, а, как известно, отменная точность в моем шатре вознаграждается сполна. Выбирайте любой приз!

Ник, не глядя выбрал одного из медведей, что были на верхней полке и скромно (а скромность, конечно, была одним из главных достоинства рокера-Ника) презентовал его Ребекке. От этого жеста Ребекка слегка побагровела.

– Вот красота, спасибо! – Она клюнула его в щеку

– Не за что. – Ответил Ник, приветливо ей улыбаясь, так как еще ни разу не улыбался.

Майкл заметил бы эту его ухмылку, и определенно, нашел бы, что сказать по этому поводу. Ему не нравилось, когда Ник с Ребеккой так шушукались за его спиной. Он не ревновал, похоже, что чувство верности еще не успело сформироваться у него внутри. Он не ревновал, но если бы заметил этот жест, то точно разозлился бы. Но, к сожалению, или к счастью в этот момент Майкл смотрел не в сторону друзей. Его внимание привлек странной наружности человек, стоящий на расстоянии в добрых пятьдесят метров от шатра с тиром. Он стоял у стойки с мороженым и бесцеремонно пялился в их сторону. Лицо его казалось неживым, оно не источало ни злобы, ни радости и от этого человек казался больше похожим на восковую фигуру. Зато глаза его горели, за беспросветно черными зрачками пряталась столь же пустая душа.

На миг Майкл позабыл обо всем мире, во рту его пересохло, а перед глазами теперь не стоял парк с его высоченными горками и исполинских размеров чёртовое колесо. Осталась лишь тьма, тележка с мороженым, и человек, стоящий за ней. А еще, его горящие какой-то холодной ненавистью глаза.

Майкл нервно сглотнул. Его руки словно кто-то привязал невидимыми канатами к телу. Теперь он замер, став похожим на столб. На его лбу начали проступать капельки пота, а к горлу подступала тошнота. А тот, на обратной стороне мира так же неподвижно и сурово смотрел на него, измеряя обезумевшим взглядом.

Наконец, Ребекка положила руку ему на плече. Майкл вздрогнул. Его разум резко возвратился обратно в этот мир.

– Что-то не так? – Спросила девушка.

– Нет, я... – Майкл обернулся в сторону стойки с мороженым. Человека там уже не было. – Все в порядке. – Он обернулся к ней и улыбнулся.

Она улыбнулась в ответ.

– Прости, я сегодня очень рассеянный. – Он не хотел вспоминать все, что произошло в его голове за сегодняшнее утро, но все же ему пришлось. Но как только Ребекка прижалась к его плечу, и они зашагали в сторону океана, он понял, насколько быстро его мысли очищаются от разного мусора в виде паранойи и прочего, как только она оказывается поблизости, а в душе начинают цвести нежные розы. Он чувствовал к ней что-то, и это что-то было больше чем просто симпатия. Он не мог пока нагнуться назвать это существо внутри себя Любовью, но оно продолжало расти, и начинало злобно кусать его изнутри, если они с Ребеккой долго

не видели друг друга. Майкл успешно забыл о том странном человеке у тележки с мороженым и вернулся в эту реальность.

Они впятером стояли на краю широкого пирса и смотрели, как солнечные лучи отблескивали от поверхности воды, заслепляя взгляд мириадами золотистых блесков. Они наслаждались тем, как ветер взымал воду, образуя тем самым хрустального цвета волны. Сворачиваясь в спираль, высокая вода билась о край пирса и сотни капель лились на лица друзьям. Ветер крепчал. Они все веселись, и лишь Майкл запал в задумчивое молчание. Он наблюдал за волнением океана с другой стороны, его внимание привлек медленно дрейфующий на волнах парусник. Куда он шел? Куда держал путь? Ему хотелось узнать, что чувствует человек, уплывающий вдаль, видящий все не со стороны суши, а со стороны надвигающейся бури.

– Этот день был просто отличным. – Прошептала ему в ухо Ребекка.

– Я тоже так думаю. – Ответил Майкл.

А затем, со стороны бескрайнего атлантического моря пришли тучи.

Напоследок они забрели в небольшую закуточную, что стояла совсем рядом с парком, на здание вечерами даже падала тень от чертового колеса «да-да, в этом городе солнце заходит не со стороны моря, увы». Ник продолжал расхваливать свое умение стрельбы, изредка прерываясь, переключая свое внимание на пиццу.

– Я, в отличии от этих «Компьютерных Воинов» в реальности стрельбе учился, -Говорил он, все так же отстраненно смотря куда-то вперед.

Майкл не понимал, как может человек сохранять такую отстранённость и нейтральность в своих действиях, и при этом словестно критиковать все аспекты своей или же чужой жизни. В этом была главная особенность Ника Ниссана, этим он запоминался большинству своих друзей. Хотя, другом его было трудно назвать. Он часто тусовался в компании Майкла, Ребекки и всех остальных, но ничего общего помимо этих душевных посиделок у них не было. Не хобби, не интересных совместных мероприятий. Ничего такого.

Майкл считал его всего лишь близким знакомым – школьным собеседником, который не прочь «потусоваться» иногда.

– У меня отец охотник, – говорил Ник – Часто вместе с ним мы охотились в Аризонских лесах. У него, безусловно, получалось гораздо лучше, чем у меня... теперь, правда, у него не такое хорошее зрение. Он уже не стреляет, да и если бы мог, не хотел бы.

– Официант! – Крикнул Расти, бешено махая рукой в сторону стойки. – Где это они все, почему никто не хочет нас обслужить? Они не хотят чаевых?

– Я тебе скажу почему – Ник встал со стула и направился к стойке, говоря при этом через плечо, – Это потому вы выглядите так бомжи. Не похоже, что такие подозрительные типы, как вы, способны что-либо купить за свои деньги.

– Ха-ха, – Обиженно рявкнул Расти. – Очень смешно, блин!

Посидев еще немного, попив колы и поев всякой фастфудной гадости, всей компанией они двинулись в сторону небольшого пролеска. Для этого приходилось каждый раз спускаться в темный переулок, в котором всегда можно было учуять либо запах мочи, либо дерьма, либо (и это чаще всего) и то и другое вместе.

Но, немного дальше, там, куда бомжи и прочая нечисть не могли (или не хотели) пробраться, совсем недалеко от городской суеты и громкой трассы было место, которое они все называли своей тайной, своим секретом, и бывали там часто.

Небольшой мост, стоящий над пересохшим каналом был для них особенным местом. Здесь они впервые и собрались все вместе.

Но первым, с кем Майкл познакомился в этом месте, был Расти.

Было это шесть лет назад, и этот эпизод никак нельзя было назвать каким-то радостным но, вопреки всему он положил начало этой их дружбе и лишь теперь, вспоминая это уже спустя добрую половину школьной жизни, Майкл понимал, насколько же эта нелепость оказалась важна для их дружбы.

Без нее они бы не познакомились.

– А ну иди сюда, жирный ублюдок!

Эти слова разорвали утреннюю тишину этого спокойного места. Птицы, что так умело таились в зарослях густых деревьев, выпорхнули из своих укрытий в чистое майское небо.

Десятилетний Расти бежал что есть мочи со стороны пригорка. Нос его был в крови, а глаза светились свежими слезами. Он нелепо перебирал ногами, дыша, как паровоз. В его сторону со стороны деревьев лились проклятья, издаваемые тонкими, самоуверенными головами.

Майкл стоял по ту сторону моста. До этого он смотрел на хлюпающих об поверхность воды рыбок, как говорила его мама, это место очень ее успокаивало. Майклу оно тоже нравилось. Он приходил сюда частенько после уроков и подкармливал местных карпов и всякую мелкую рыбешку кусочками хлеба. Он как раз стоял, опираясь об перила, и сбрасывал вниз мелкие крохи, наблюдая, как медлительные здоровяки оживают, увидев новую порцию еды. Но от внезапного крика Майкл чуть не упал вниз. Обернувшись в сторону шума, он заметил бегущего в его сторону толстяка. Его круглый живот трясся впереди всего тела. Трусцой он выбирался из чащи, лицо его было в поту, а в глазах сиял такой мощный страх, что они просто светились.

– Ах ты, мамкин сынок! – Кричали в его сторону тонкие назойливые голоса. – Я тебя заставлю заплатить!

– Он заставит! – Поддакнул кто-то.

Расти трусцой пересек половину моста и остановился, выбившись из сил недалеко от Майкла.

Майкл как сейчас помнил выражение его лица: покрасневшее, налившееся кровью глаза, дыхание, как у сенбернара стоящего под шольским солнцем. Но больше всего ему запомнились первые слова, сказанные его будущим другом.

Расти тогда посмотрел в лицо ошеломленному Майклу и сказал: – Помоги, а то они меня убьют.

Майкл все еще стоял на месте, как вкопанный, держа в руке то, что осталось от хлеба.

Наконец, когда на горизонте появляются три высокие фигуры, он, наконец, понимает, что к чему. Их лидера он узнает сразу: Джордж Петерсен, известный на всю школу своей ненавистью не только к толстякам как Расти, но еще и ко всем остальным на свете. Двух его подельников он раньше не видел, но судя по их лицам, они не были обезображены высоким интеллектом.

– Ты! – Вопит он, смотря своими мелкими поросычьими глазами прямо Расти в лицо. – Куда ты свалил жирдяй? Все самое интересное только началось, а ты... – Он заметил стоящего рядом Майкла и запнулся.

Бросив короткий взгляд Расти а затем на Майкла, сделав вид что не обратил внимания на стороннего наблюдателя, Джордж, сжав руки в кулаках, устремился прямо на Расти. Тот начал пятиться, держась за сердце и обессиленно дыша. Но тут одним резким рывком Майкл перебежал вдоль моста и оказался на пути обидчика.

Джордж из-под лба взглянул на Майкла. В его глазах на мгновение блеснул адский огонек, Майклу это было знакомо. Он знал, с кем имел дело. В школе о Джордже Петерсене все знали, как о растущем маньяке, помимо того, что он вел себя как потомственный хулиган,

постоянно избивал одноклассников и иногда старшеклассников, ходили слухи, что по вечерам он ходит по улицам и душит маленьких животных: котов по большей степени, иногда щенков. Но, в оправдание Джорджа, это были не обоснованные слухи.

– Тебе нечего здесь делать, маленький чмошник. – Со смехом в голосе произнес Джордж. – Это лично наше с толстым уродом дело. – Двое его подельников засмеялись на последнем слове.

– Не называй его толстым уродом... – Выдавил через стиснутые зубы Майкл.

– Че ты сказал? – За место улыбки на обгоревшем от постоянного пребывания на солнце лице Джорджи засверкал злобный оскал. Он перешел на хриплый шепот. – Я буду называть его так, как захочу. Толстяком он так и останется, а теперь свалил нахуй! А то пойдешь домой, хромя на обе ноги, это я тебе обещаю.

Из-за его спины снова раздался назойливый смех.

– Ех-ге-ге-ге!

Майкл обернулся назад, в сторону Расти. Тот стоял нерушимо, держась его спины, по лицу его текли слезы, а с носа стекала сопля. В голове у Майкла снова блеснули его слова «Помоги, а то они меня убьют»

Ведь Расти не знал Майкла а Майкл впервые видел Расти, но сейчас, в этот самый момент они были объединены одной огромной проблемой.

Его руки сжались в кулаки, а голова начала наполняться воинственной барабанной дробью идущей прямоком из пульсирующих висков.

– Ты его не тронешь... – Прошипел он грозно, хотя внутри понимал, что за такие слова в адрес психа он может получить знатных пинков.

Вариантов у него все равно было не много, поэтому он сделал вид, что ему не страшно.

Это нисколько не сломило воли Джорджа, он все так же уверенно стоял на своем месте, однако на лицах его сокомандников поселилась тень сомнения. Они хоть и имеют грозный вид – подумал Майкл – но внутри они, как и большинство задир – те еще трусы! Для него шанс помочь кому-то в тот день стала шансом доказать не только другим но и самому себе, что он на что-то способен. И теперь, после того как он встал на пути у настоящего зверя, прозрачный шанс превратился в зримую возможность.

Они молча простояли на своих местах, вокруг к тому времени воцарилась тишина, и птицы снова запели свои тихие баллады.

– Ты об этом пожалеешь. – Говорил Джордж самодовольно и злобно, но как не странно при этом медленно отступая назад.

Двое его напарников, до этого льбящихся, теперь с недоумением следили за тем, как отходит их лидер.

– Чего это ты, Джорджи? – Не выдержал и спросил один из них.

– Заткнись! – Единственное объяснение, которое они услышали от него.

Последним, что Джорджи сказал в тот день, было

– Я тебя еще успею задушить, жирный боров! А ты, – он указал на Майкла, – тряпка... будешь у меня кровью плакать! – он внезапно улыбнулся, – но, я сегодня охренеть какой добрый, поэтому ты со своим новым дружком-жирдяем можете пока дышать.

Он обратился к своим подопечным:

– Погнали в бар к моему папке, он бухла нальет, если уже достаточно нажрался!

Когда все трое ушли прочь, Майкл наконец обратился к Расти. Дрожь в теле пропала, но слова Джорджа еще не скоро перестанут преследовать его в ночных кошмарах.

– Как тебя зовут? – Спросил он, протягивая руку для рукопожатия.

Расти все еще стоял, оторопелым взглядом буравя своего случайного спасителя, в глазах у него горело пламя непонимания, но он все же пожал Майклу руку, смотря в одну точку, как сомнамбула.

– Я... ну я это... СПАСИБО! Спасибо тебе, они бы меня зарыли бы в землю и начали бы кормить дерьмом с земли спасибо тебе что не сдал меня им, спасибо! – В этом крике сошлись не дюжее облегчение и при этом неисчерпаемый страх. – Большое, большое тебе спасибо!

– Да что там, – Слегка ошарашенно отмахнулся Майкл, – не за что.

Они пожали руки друг другу, из-под лба Расти продолжал ключом бить пот, но теперь, кажется, он уже не боялся.

– Не за что, чувак, – Сказал Майкл, – Но все-таки хотелось услышать твое имя.

Наконец именно тогда Расти впервые улыбнулся той самой своей фирменной улыбкой до ушей, без которой следующие шесть лет Майкл его и не замечал. Майкл запомнил это его выражение лица на всю оставшуюся жизнь.

Так они и познакомились.

Как потом узнал Майкл из газет, всю троицу было поймано на краже телевизора. После этого родители Джорджи переехали в Вирджинию, подальше от стыда.

«Маленькие городки обычно имеют языки без костей» – говорил когда-то дедушка Майкла.

Спустя несколько недель он встретил на этом мосту Ника и Клайда, они подружились сразу же, близнецы были очень дружелюбными. Ребекку же он встретил лишь через пять лет. До сих пор он вспоминает этот эпизод с подсакивающей к горлу неловкостью. С Ребеккой его связывало множество теплых моментов и воспоминаний.

Одним из таких можно было назвать случай, произошедший вначале того же лета, уже через месяц после того, как они познакомились.

Они с Ребеккой сидели на лавочке, разговаривая о единственном увлечении, которое у них было общего – о кино. Майкл все пытался разъяснить ей, что фильм Альфреда Хичкока «Психо» не настолько плох, как ей кажется, и вообще-то является во многом прорывным для кинематографа 60-х, а она в свою очередь отмахивалась со словами – «Это тебе и таким кинокритикам как ты нравятся подобные фильм, а я любую фильму за то, что можно убить немного времени»

На это он лишь покраснел и сказал что-то вроде «Я не кинокритик»

Что тут сказать, его легко можно было вогнать в краску.

Поток его мыслей был прерван осознанием того, что он стоит на краю того самого моста, опираясь на порядок заржавелые перила. Придя в себя, он заметил, что солнце постепенно гаснет под натиском надвигающихся туч. Горизонт уже стремительно чернел, в то время как над головами у всех пятерых все еще светит солнце. Сложив руки на лбу козырьком, он разглядел в свете водных софитов несколько карпов, неспешно проплывающих, разрезая водную гладь. Простой и невыносимо легкий день.

Ребекка стояла по левое его плече и задумчиво смотрела куда-то в небо. С другой стороны стояли близнецы. Они беседовали о музыке.

– Пару дней назад по MTV крутили все песни Майкла Джексона, три дня подряд нон-стопом, в честь годовщины смерти. – Сказал, выдыхая, Клайд.

На эти слова Ник только недовольно фыркнул.

– По мне его черезчур сильно возвеличивали, он стал для многих настоящим идиолом просто. – Он помотал головой. – Я этого не понимаю.

– У тебя нет кумира? — Спросил у него Расти.

– Нет. – Отрезал Ник.

– Но он ведь действительно классно пел, – Возразил Расти. – А как танцевал! Лунная походка, забыл?

– Не забыл, – отмахнулся Ник. – Но на примере Майкла Джексона я понял, что не стоит влезать в личную жизнь Великих.

– Ты о чем? – Не сдержался и спросил Майкл.

– А вы будто не знаете, – Ник опустил глаза в сторону почти засохшего канала. Когда то вода заполняла его на половину, и было отчетливо слышно хлюпанье водопада в паре сотен метров впереди. Сейчас же лишь узенький полуметровый поток проходил, постепенно худея с расстоянием, и было теперь совсем тихо. Лишь пение птиц давало маленький повод вспомнить былое.

– Ты говоришь о том, что он вроде бы принимал наркотики? – Спросил Клайд.

– Угу, и не только. Говорили вообще то всякое. Что он наркоман, педофил...

– А вот насчет второго я ничего не слышала. – Тут и Ребекка ввязалась в разговор.

– Об этом часто говорили в новостях, – продолжил гнуть свою линию Ник. – Что он и к детям приставал... У него было столько бабла: половину он просадил на наркотики и прочие радости, за все остальное потом боролись его родственники.

– Тю! – Клайд чуть было не рассмеялся, – Если бы я был миллионером, то тоже б невылазно сидел на героине!

Он не ожидал, что после его слов друзья осудят его, но и к вспышке смеха он не был готов.

– Что говорить о рокерах, – Продолжил Ник, – Из них процентов сто хотя бы раз бывали под кайфом, и как минимум половина конкретно сидит на этом дерьме, тем более сейчас, во время, когда все это доступно и находится в огромном количестве, обойти закон можно многими способами, плюс, многие легкие наркотики и вовсе не запрещены...

Майкл тем временем думал, «Ну что за бред они несут?» – но, тем не менее, он был рад, что этот день оказался именно таким. Он совсем забыл о снах, о подозрительном типе, который смотрел на него из-за тележки с мороженым час назад, он всецело был захвачен тем, то называют счастьем, сам того не понимая. И, потопая в каждом миге этого дня, он слушал слова друзей, не различая смысла, его глаза смотрели вперед и видели там только этот день, только этот миг, стараясь запечатлеть его навсегда. Так горько осознавать всю тленность и мимолетность подобных светлых пятен на мрачном тле жизни. Поймет он это лишь тогда, когда миг радости скроется за тучами вместе с последними лучами солнца, когда холодная вода окропит его лицо, когда он снова окажется наедине с собой.

Тучи тем временем разродились вспышками молний, последний лучик солнца был проглочен густой облачной дымкой, и над каналом воцарилась серость.

Друзья разделились на две группы: близнецы и Расти пошли по своим домам а Майкл с Ребеккой побежали вдоль набережной, таясь от дождя под полупрозрачными навесами маленьких магазинчиков.

– Посмотри! – Майкл указал девушке на один из магазинов, неоновая вывеска которого сияла фиолетовой надписью: «ЛАВКА ДЖЕЙМСА». Надпись подрагивала, потухая и снова загораясь, издавая монотонное шипение.

– Что там продают? – спросила девушка.

– Давай войдем и узнаем, – ответил парень.

Скрывшись за тенью темного козырька, парочка спустилась в задушливую рыжую комнату. Внутри все было обделано красным деревом, и мебель стояла изысканная. По стенам был раскиданы разнообразного вида часы, как древние, так и новые, все были буквально вылизаны, чисты до безупречного блеска, ослепляя новым лаком и золотой окантовкой. Часовые механизмы цокали и шелкали, создавая небрежный тихий шум, погружая и обволакивая в свое звучание.

– Так значит, это магазин часов... – С придыханием произнесла Ребекка, зачарованно рассматривая магазин изнутри.

В тусклом свете настенных ламп радостно поблескивали больше сотни экземпляров, каждый из которых разительно отличался от других.

– Здорово, – Поднесенным голосом восхищалась Ребекка. – Никогда не замечала этот магазин прежде.

– Я тоже, – Кивнул Майкл.

Из-за стойки вышел пожилой скрюченный человек. Лет на вид ему было много, по уставшему лицу было не понять, улыбается он или же просто прищуривает глаза. Одет был в выцветший махровый плащ бежевого цвета, придающий ему еще более скукоженного виду. Поднятый, почти как у вампира, крючковатый нос и острые скулы придавали выражению больше злобы, а взгляду недоверия и недоброжелательной услужливости.

– Чего ни будь угодно? – Спросил он тихим, хриплым голосом, слабо напоминающим старческий. Это был голос уставшего человека, но далеко не пожилого, словно он убедительно изображал старость. – Хотите что-нибудь приобрести?

Майкл с Ребеккой неловко оглянулись друг на друга.

– Нет-нет, мы просто заглянули сюда, чтобы укрыться от дождя. – Ответил Ребекка, приветливо улыбаясь.

Майкл отметил, что внутри помещения не было слышно ливня, который бушевал за многослойным оконным стеклом, совсем. У этой комнаты была своя звуковая атмосфера, которая не зависела от внешнего мира. От этого по телу ходили мурашки, а взгляд затуманивался.

Старик улыбнулся и сказал:

– А я вас знаю...

– Да ну, – Ответил парень. Его этот старик, как и это место, начинали напрягать: мало того, эта его улыбка на лице, открывающая миру оскал из золотых коронок, вводила его в еще больше отвращение.

– И что же вы обо мне знаете? – Спросил он с раздражением в голосе.

– Все. – Просто и ясно ответил старый.

– Да неужели, – На лице Майкла тоже засверкала улыбка, только не доброжелательная – злая. – А можете... мое имя назвать.

– Определенно да, – Старик перестал улыбаться.

Он медленной, сутяжной ходой добрался до стула и приземлился на него, издав кряхтящий звук. Этим он еще сильнее разозлил Майкла. Вся эта его беззащитность и слабость казались Майклу наигранными – ненастоящими, от них веяло фальшью и театральностью. Это породило внутри Майкла высшую степень недоверия. Видно было, что старый чувствует себя намного лучше, нежели, кажется на первый взгляд.

– Я могу назвать имена вас обоих. Ты – Майкл – Он указал артритной рукой на парня, – Глупое имя, я считаю... А вы – очаровательная Ребекка, право слово... подзабыл вашу фамилию. – Он прокашлялся, но глаза его еще сильнее запылала неведомая радость.

Ребекка так же была немало удивлена его словам. Ведь старик и впрямь верно назвал их имена.

– Что все это значит? – Спросил Майкл, теперь уже не стыжась и не скрывая злости.

– Не понимаю, к чему вся эта спешка. Думаю, молодой человек, гроза еще не скоро вас од сюда отпустит.

– В этом вы совершенно не правы, – Ответил ему Джейкоб. – Мы в любой момент можем уйти...

– Но. – Старик приподнял пышные брови. – Не хотите?

– Я хочу лишь узнать у вас, откуда вам известно мое имя, вот и все.

В воздухе запахло свежестью, свет в помещении, казалось, приглушился, хотя на самом деле это мир снаружи стал еще темнее. Небо к этому времени окончательно затянуло тучами, а грозовые вопли доносились тусклыми призраками даже через такую замечательную звуковую защиту. Молчание было нарушено.

– Вы меня недооцениваете, – пробурчал старик, властно сверкая красными, как у вампира, глазами, – мне известно много больше, чем вы могли бы подумать. – Он выдержал долгую паузу, молодой человек перед ним стоял, сжав кулаки напряженный, как нерв и буравил его неистовым взглядом.

– Я знаю о ваших снах... – Прозвучал тихий, почти злодейский пассаж.

Стук сотен часовых механизмов пропал, провалившись куда-то. Воздух наполнился озоном и тишиной, а кулаки Майкла разжались, и руки его повисли над полом из красного дерева. Голова его опустилась, а внутри все померкло. Тихо, неизгладимо тихо стало в мастерской часов человека, которого вряд ли звали Джеймсом.

– Майкл, о чем это он? – В голосе девушки таился страх, но парень этого даже не заметил. Он схватил ее за руку и потянул к двери.

Старик кричал ему вслед: – Да-да, правильно, продолжайте бежать от своей судьбы, страшитесь своей правды! Правильно! Больше всего они желают именно этого! Этим вы делаете им огромную услугу.

Рука Майкла держалась за дверную ручку, колокольчики над дверью издавали свой тонкий ропот. В комнату вместе с остывшим свежавшим воздухом вошел и звук дождя.

– Майкл, дорогой друг. – Обернувшись, Майкл увидел, что старик попивает чай с маленькой, позолоченной кружички, которой там до этого и близко не было. – Если захотите побольше узнать о себе – моя визитка у вас в кармане.

Ребекка круглыми от удивления глазами тарасилась то на Майкла, то на старика, не понимая, что вообще здесь происходит. Парень чувствовал себя еще более растерянно, чем девушка, но не стал разбираться, что к чему.

– Не стану вас больше задерживать, ведь на улице такая замечательная погодка! Е-хе-хе-Кхе! – Кхе...

Дверь полностью раскрылась, и две фигуры испарились в тусклом дневном свете. Дверь закрылась, и колокольчики снова радостно зазвенели, но их звон быстро потонул в грохоте бушующей грозы.

Выйдя под ливень, парочка направилась дальше вдоль набережной. Укрытием от вездесущего дождя им служили многочисленные настилы. Монотонный стук капель заглушал голоса многочисленных прохожих, спешащих к себе домой.

Майкл волок девушку за собой, опустив голову и буравя людей впереди полным гнева взглядом. Ребекка остановила Майкла, вырвав свое запястье из его рук. Глаза ее сверкали слезами.

– Постой, чего ты так спешишь?! – Крикнула ему в след Ребекка.

Он остановился под тугой струей дождя, по черным волосам его ручьями стекала вода. Кулаки его были крепко сомкнуты.

– Что этот старик имел в виду, когда говорил о...

– Как ты не понимаешь! – Майкл обернулся, вместе с ним в их с Ребеккой сторону обернулось множество голов прохожих. – Этот старик сумасшедший! Вот все что я знаю. Не думай об этом.

Ребекка вошла под поток дождя и, приблизившись напрямую к Майклу, ее лицо оказалось прямо перед ним. Соприкосновению их губ мешали какие-то четыре сантиметра пустого пространства.

Она опустила голову, сжав руки замком на груди.

– Ты можешь мне довериться, – Прошептала она почти неслышно. – Я... я ведь тебе не враг.

– Ты не понимаешь...

– А что я должна понять? – Подняв голову, она показала заплаканные глаза, блестящие диамантами. – Ты ведь ничего мне не говоришь! Что имел в виду тот старик, когда говорил о твоих снах? И что за сны такие? Почему ты молчишь, что же это за тайна такая!

– Ребекка... – Майкл выжимал из себя каждый звук с огромным усилием. – Это... не твое дело.

Он не хотел говорить этого. Внутри него все просто кричало о том, что этого делать не стоит – красным огнем в подсознании сверкала надпись: «ОСТАНОВИСЬ» но уста его перечеркнули весь этот день, всю его жизнь.

Девушка просто развернулась и зашагала по улице: промокшая до нитки, с опущенной головой и руками. Майкл бросился было к ней, взял за плечи и, опустив ее голову перед собой, поцеловал, но лишь в воображении.

На самом деле он лишь стоял и смотрел ей вслед. Он чувствовал себя эгоистом и дураком, он чувствовал страшную вину, изнутри его душу подогревали страх и бессилие.

Он чувствовал себя подавленным, слабым и глупым, почти тупым.

В его мозгу вертелась лишь одна мысль «ТАК ТЕБЕ И НАДО»

Промокший до нитки, разбитый, он пошел домой. Было уже три часа дня и к тому времени, когда он добрался до развалившейся улицы, дождь слегка ослаб.

Проходя мимо тех самых разваленных домов, он чувствовал себя еще хуже, в мыслях он уже успел выдумать и забыть сотни слов извинения, многие из которых не пестрили особой оригинальностью. В голове его играла лишь одна печальная мелодия – припев одной из песен «The Cranberries». Сам того не понимая, он перестал себя терзать, как только эта музыка заиграла в чьем-то телефоне за его спиной. Он остановился и обернулся.

Девушка, идущая по его пятам, тоже остановилась, чуть не врезавшись лбом в его спину. Первое, что бросало в глаза, это фиолетовый цвет ее волос, за короткими прядями которых прячутся грубо накрашенные глаза. Черная тушь вокруг зеленых зрачков делал их еще ярче. По всему было видно, что девушка эта – эмо. Одна из тех потерянных в обществе несчастных, которые не смогли смириться с тем, что другим на тебя попросту начхать, и решили вот таким образом выделиться.

Странно, Майкл думал, что эмо это пережиток прошлого и они стали неактуальными лет так восемь назад.

Но, тем не менее, девушка была очень похожа на эмо.

Пирсинг под нижней губой и на носу, яркая твидовая крутка и ободранные в коленях джинсы. За всем этим нагромождением броской мрачности пряталось симпатичное лицо. Девушка, подняв взгляд в его сторону, оценивающе измерила его взглядом полным недоверия и недоброжелательства.

– Че уставился? – Спросила она, жуя жвачку, и выдула пузырь ртом. Майкл, осознав всю степень неловкости этого момента, нелепо отвернулся, и продолжил идти дальше.

Пройдя мимо пары домов, Он оглянулся назад. Девушка перешла улицу недалеко от столба, у которого стоял Майкл и нырнула во двор того самого дома. Самого разваленного среди всех на этой улице. На него падала густая длинная тень. Достав ключ, она вставила его в дверь, повернула и сделала шаг во тьму дома. В это самое время Майкл таращился на нее, стоя на противоположной стороне улицы. Дождь прекратился совсем, за это время воздух остыл до настоящей прохлады, через серость дня яркой стрелой света прорывался образ девушки, стоящей у двери и смотрящей прямо в глаза Майклу. Она просто смотрела на него, а он на нее. В этой сцене было какое-то свое, особенно очарование. Но Майклу все это не казалось забавным: он чувствовал себя крошечным придурком.

На секунду ему показалось, что девушка хочет показать ему фак, медленно поднимая для этого руку. Но ладонь ее остановилась на уровне плеч. Пальцы растопырились, и ладонь

начала немного покачиваться со стороны в сторону. Она ему машет? Стало так неожиданно тихо вокруг, он слышал свое дыхание и видел тусклые призраки пара каждый раз, когда легкие выпускали воздух. Почему-то (он и сам до конца не смог понять), его рука тоже поднялась, так же медленно, было в этом движении что-то особенно нелепое, но все же. Он тоже ей помахал. И вдруг, дверь дома захлопнулась. Девушка исчезла, оставив Майкла потопать в неловком одиночестве. Красное от нахлынувшей крови лицо скоро вернуло себе привычный окрас, но огонек внутри все еще горел.

Он пошел к себе домой.

Это день и так казался ему просто бесконечным. В нем было слишком много совпадений и неловких моментов, глупых и не очень поступков, каждый из которых был по-своему важен.

Глава II

«Поход»

Проснувшись от грохота собственного, тяжелого как свинцовая гиря, сердца, он был поглощен паникой. Руки его сжались, но правая сразу же отозвалась жуткой болью, которая прошла пронизывающим маршем по всему телу. Он опустил голову и осознал себя. Глаза открыть пока он не мог, сил не было даже на это, зато мог себя чувствовать. С ноющей болью во всех суставах пришла призрачная радость осознания собственной жизни.

Спустя время (возможно, прошло полчаса, а может часа три) глаза раскрылись сами, веки поднялись, словно кто-то раздвинул их пальцами и он осознал, что находится в подобии хлева. Стены отсутствовали, вместо них была лишь земляная порода: болезненно темная. Подпиралась она слабыми деревянными балками, но от этого не становилось спокойней. Вся эта конструкция рано или поздно развалится. Этой мыслью комната словно дышала, ожидая подходящего момента, что бы развалится.

Холод гулял по комнате, вырываясь из земли, но лежащему на кровати человеку было тепло, по крайней мере, не холодно. Ведь он был укутан несколькими тяжелыми простынями, грязными и в какой-то полсти, но все же теплыми. Откуда-то сверху, как он подумал сразу этой подземной ямы, доносился приглушенный свист ветра.

Попытавшись двинуться, он встретился с величайшим сопротивлением. Боль прошла по всем закоулкам его тела. Он попытался вскрикнуть, но возглас замер на полпути.

И снова к нему пришел сон. Он забрал его сознание в бездонную яму забвения... тихо, в этой яме было так тихо.

Этой ночью к нему пришло сновидение. Он видел начало времен, точнее то, как его описывали в старинных летописях.

Странно, ведь в этом мире сны не снятся никому.

Но, тем не менее, сон был

Он видел, как из земли вырывается, раскалывая земную гладь и сотрясая целые континенты, Великий «Величественный» Храм Мира. Это название первобытные люди дали церкви еще до того, как научились писать, до того, как люди с других миров пришли к ним и не одарили их письменностью, научив «Шекспиру», «Достоевскому» и прочим Великим Мастерам Слова.

Позже его переименовали в Храм Созидания. Но этим названием никто не пользовался.

Он видел в своем сновидении то, как земля разверзается перед могуществом колоссальной постройки, то, как она сносит десятками, сотнями, дома и замки, сотнями, сотнями, сотнями. Никто не знает, зачем он появился и когда именно. Но его колоссальный шпиль можно было увидеть на просторах пяти из шести великих королевств.

Все это человек узнал от странствующих кочевников, которые,... а когда, он, собственно говоря, узнал обо всем этом? Ведь он родом из тех мест, откуда об этом величавом храме можно было лишь услышать.

Этот эпизод, как и многие другие, стерлись из его памяти. Их все унесла мертвая пустыня – то, что осталось от центрального королевства. Огромная руина, пустеющая в его голове, создающая внутри такую же смертельную скупость. Была лишь цель. Добраться до Храма и навеки прекратить разруху.

О большем ему помнить не следовало. Можно было с легкостью лишиться рассудка.

Сновидение исчезло. На смену ему пришло забытье. Так крепко и долго он еще никогда не спал.

По прошествии шестидесяти девяти часов он пришел в себя. Воздух пропах керосином (свет зажегся в паре новых мест за тканью, которой он был огражден) и еще чем-то похожим на удобрения. Находясь в этом месте, он не мог ни сходить в туалет, ни отлить: все это за него делал организм. Он чувствовал тепло ниже живота, очень скоро тепло превратилось в холод.

Его изнутри начала разъедать ненависть к самому себе, к своей немогущности. К тому, что пережив все страсти внешнего мира и оказавшись в безопасном месте (он на это надеялся) он чувствует себя таким беспомощным и ничтожным.

Комната внешне не изменилась, разве что, на тумбе, рядом с кроватью, где он лежал, стояла керосиновая лампа. Ее тусклый золотистый огонек освещал мягким светом стены из земной породы. А еще, в этой комнате кто-то сидел.

На стуле, рядом с кроватью. Человек, достаточно древний на вид, что бы с гордостью носить за собой слово Старик. Его костлявые длинные пальцы обнимали рукоять трости, вырезанной с особой тщательностью и с десятками всевозможных узоров. Само его лицо было спокойно. Беззубый рот расплылся в вечной морщинистой улыбке, а глаза блестели тусклым огоньком мудрости. В них было столько глубины и жизненного опыта, что у Него на миг приостановилось дыхание. Наконец, впервые за много дней, он услышал человеческую речь – старик к нему заговорил.

– Ты выжил... – Слова исходили из его уст размеренным, но чистым басом. Силы в этом голосе было достаточно. – Все сомневались в этом.... Думали, что ты умрешь.

Длинная пауза. Старик придавался молчанию на несколько секунд после каждой фразы.

– Я тебя вылечил... кости на твоей правой руке слабы, ... но это ничего, – Старик тепло улыбнулся, от этого он стал похож на древнего и очень мудрого Чеширского кота. – Ты выздоровеешь..., обязательно... тебе помогут мои травы.

– Что там? Он что, в сознании?!

Из-за грубо вбитой в породу двери показался человек. Его морщинистое лицо не выказывало доброжелательства, но и ненависти в них не было.

Человек пристально всмотрелся в глаза гостю. Затем, медленно повернув голову к старику, тихо сказал.

– Ты можешь идти.

Старик с кряхтением встал, опираясь на трость, и покинул помещение, не сказав ни слова. Человек занял его место.

– Для начала я должен узнать твое имя. Это тебе сказать придется. Все остальное – лишь по твоей воле.

– Имя.... Но я не помню своего имени. – Произнес гость.

Эти слова несколько не удивили человека, сидящего напротив. В ответ он лишь вздохнул. Все погрузилось в молчание, и комната снова начала наслаждаться потусторонним шумом, исходящим, как казалось, из самих стен.

– Ну, тогда, ты не будишь против, если я назовусь тебе: меня зовут Таал, и я рад снова приветствовать тебя в мире живых. – Он страдальчески улыбнулся, до этого он казался суровее, но теперь было видно – этот человек опустел внутри, как и многие кто выжил во всем этом ужасе.

– Я... сколько я спал?

– Долго. Многие и не надеялись, ... в общем. Неважно, что там говорят другие, главное, что ты жив.

– И что же говорят другие?

– Да много чего плетут. – Глаза его начали поневоле перебегать то на потолок, то на пол, но еще куда-то. – Тебе стоит понять, люди здесь живут темные, они всегда находятся в страхе: всего боятся. Не стоит осуждать их.

– Это все из-за того, в чем вы меня сюда принесли? – Улыбнулся гость.

Он понимал, что в этих землях о таких как он ходит много злых слов.

– В большинстве-из-за меча. Впрочем, да, из-за брони тоже. Ты их здорово испугал. – Таал рассмеялся, но не звонко – хрипло, как привидение. – Многим ты бы сделал огромную услугу, если бы так и не проснулся. И думаю, некоторые могут даже попытаться лишить тебя жизни.

Гость внимательно рассматривал собеседника. В его глазах загоралось пламя, это пламя-жизнь. Он не знал, было ли это его быстрое выздоровление следствием действия Храма, или же это действительно из-за трав того старика.

– Вам тоже? – Спросил гость.

– О нет... – Растерянно ответил хозяин. – Я ведь помог тебе, ничего страшного я в тебе не вижу.

– А что, если вы ошибаетесь?

От этих слов Таал замер на месте. Его глаза слепо смотрели в лицо гостю.

В комнате стало тихо, в голову к гостю снова пришли мысли о дурном запахе, который исходил из него же. От этого не деться, как и от этих людей, пока что. Он сразу пообещал себе «Как только у меня появятся силы стоять на ногах, я покину это место». В этом у него не было сомнений.

– Вам нужно отдохнуть, – Это все, что сказал ему Таал. После этих слов он поспешно удалился.

«Я снова проиграл битву с судьбой – подумал гость, – меня нельзя назвать героем, еще сложнее назвать избранным».

Он посмотрел на свою руку. На левую, слабую... ту, которую проклятье избранного не превратило в руку убийцы, руку, которой нужен меч. Без клинка его пальцы иссохнут, а кости превратятся в прах.

И сжал ее в кулак.

«-Мне нужно поскорее выбираться од сюда, чем быстрее это произойдет... тем.....»

Тут он погрузился в сон.

Майкл содрогнулся от внезапного крика. Твердая картина его сна рассыпалась на тысячи хрупких осколков. Кричал отец:

– О господи, боже! БОЖЕ!

В одних только трусах Майкл вскочил со своей кровати и, преодолев мрак спальни, спустился вниз по ступенькам. Сердце его колотилось, бешеная боль резала правую руку (прямо как у того странника) но не было времени обращать на это внимания. Не было времени так же посмотреть себе под ноги (там он бы увидел пятна крови, которая плотным ручьем лилась из раны).

Ступени казались бесконечными. Они вели вниз-во тьму. Майкл бежал. Его дыхание учащалось с каждой секундой... секунды, минуты, часы, дни, недели, месяца, годы он потратил на этот спуск.

Но наконец, он спустился. Тысячи часов бились, вися на стенах комнаты. Телевизор был включен, по нему шла какая-то кулинарная передача... На полу в позе молитвы сидел отец, его спина, согнутая в дугу, заканчивалась ничем. Лишь кровавая лужа была на том месте, где должна была быть голова. Издалека зазвучал «Led zeppelin» со своим «Кашемиром». От чьего-то крика стало резать слух- это кричал отец Майкла. Но звук не исходил из головы. К нему кричало туловище отца. Внезапно торс его поднялся на ноги и обернулся в сторону Майкла.

Прозвучал приглушенный, пронизывающий крик. Кофта, в которую отец был одет, затрепыхалась, будто от ветра.

– по... мо... ги... – Можно было различить в этом омерзительном, булькающем вопле. Шея, от которой была отделена голова, начала бурно кровоточить, за алой кровью последовали внутренности, за ними последовала голова...

ПО-МО-ГИ!

Наконец, этот жуткий кошмар закончился. Майкл проснулся по-настоящему. Весь в холодном поту и в слезах (от чего ему еще долго было за себя стыдно).

Этот сон приснился ему через две недели после того, как он потерял тетрадь. Ему было сложно засыпать, иногда, что бы просто сесть на кровать, необходимо было приложить немало моральных усилий. Каждый такой эпизод казался ему великим лишением. Еще сложнее Майклу было осознавать, что сны исчезли из его жизни, как будто их и не было. Больше он не делал записей, (просто, в этом не было смысла, ведь ни тетради, ни снов о рыцаре больше не было) не ждал встречи с этим мрачным миром. И в этом была доля светлого. Время шло, и кое-что начало забываться. Майкл начал помалу отходить от этого.

Но мир его снов вернулся в его жизнь вновь.

Все утро он проходил, как лунатик, бродя с угла в угол, погруженный в собственные тяжкие думы. Его рассудок тонул в темноте подсознания, а реальность перед глазами размывалась, теперь ни то ни другое не существовали по-отдельности. Все это теперь было в его голове. Как и тот сон, как и второй сон. В котором был его отец...

– Ты чего не идешь с друзьями в парк? – Спросила мама, когда Майкл стоял у окна и тупым коровьим взглядом пялился на улицу, внимательно следя за тем, как поливочные аппараты орошают дворы соседей.

Майкл неловко обернулся в ее сторону.

– Тебе ведь сегодня звонил Расти, ведь так? – Голова мамы опустилась ниже. Майкл прищурился.

– Я забыл... – сказал он честно.

Он на самом деле успел позабыть о том, что в семь утра прозвучал звонок от друга. Тот ждал его у парка (они хотели посоревноваться в точности в тире, точнее, хотел Расти).

– Ну, так чего же ты стоишь? Беги. Мне кажется, или ты опаздываешь... О, уже пол первого! – Ее глаза словно потемнели, а взгляд стал острее обычного. – С тобой что-то не так... – констатировала она.

– Да нет, все нормально.– Взгляд Майкла снова переметнулся на улицу. Но он понимал, что если уж мать что-то заподозрила, она сделает все и даже больше, что бы выяснить, в чем именно проблема.

– Садись! – Она указала на стул, что стоял у больших старых часов, которые уже давно не ходили, но были такой-себе домашней реликвией. Теперь Майклу они напоминали тот часовой магазин, что у парка. Ему было приятно осознавать, что эти часы молчат, от этого подозрительный старик казался более далеким.

Сев на стул рядом с сыном, Милдред Брукс принялась сканировать его своим материнским взором. От этого лицо Майкла даже слегка побагровело, но спустя секунду он привес себя в порядок.

– Это что... из-за той девочки?

Майкл поднял ошарашенный взгляд на лицо своей матери. Оно было серьезным, а в глазах было столько решительности, что краска снова прильнула к щекам Майкла.

– Нет. С чего ты взяла... – Он выговаривал эти слова, как робот. Двигались лишь его уста, все остальное тело было нерушимым, как гранит.

– Просто я решила, что у тебя случилось что-то. Ты в последние дни стал таким задумчивым. – Голос Милдред стал задумчивым, легкая улыбка коснулась ее лица и в глазах что-то

зажглось. Будто она сама вспоминала эпизод из своего детства. – Все дело ведь в Ребекке, ведь так? – Она коротко, но звонко засмеялась. – Можешь не отвечать, все это читается на твоём лице, в твоих глазах.

– Да нет, нет, ты... это, нет! – он весь покраснел от необъяснимого стыда. – Ничего такого, мы просто, слегка поссорились.

Мама понимающе кивнула.

– Я сейчас спрошу у тебя кое-что, ты имеешь полное право не отвечать: ты уже взрослый. Но, все же... ты чувствуешь, здесь, – она положила руку себе на область сердца, – что действительно любишь эту девочку?

– Я... – Никогда еще перед ним не повставал такой сложный и одновременно прямолинейный вопрос. Ответ на него был в таком же густом тумане, как и будущее любого подростка (и пусть те, кто думает, что все в своей жизни предугадал, попробуют возразить годика через три).

– Я не уверен, – это был самый трудный ответ на самый тяжелый вопрос в его жизни.

Милдред снова кивнула.

– Я тебя поняла, милый. Это было очень честно.

После этих слов Майкл встал. Мама сказала ему вслед:

– Мы еще поговорим об этом, Майкл Брукс. Очень скоро. Ведь, еще один год, и ты будешь слишком взрослым для таких разговоров.

Слишком...

Даже не попрощавшись, он скрылся за входной дверью.

Выбравшись на улицу, он не стал идти в сторону парка. Ему не хотелось никого видеть. Вместо этого он шагал по разваленной улице в поисках чего-то. Его слух был поглощен музыкой из наушников, а все мысли пропали куда-то. Перед глазами время-от-времени всплывал образ отца... и эта музыка... действительно жуткий сон. Теперь он все больше задумывался о его смысле. Хотел даже лезть в сонник, но передумал, так как считал все это полной чушью (или просто побоялся).

«Мы все считаем что-либо полной чушью, пока эта полная чушь не настигает нас в самый неподходящий момент». Она из многих псевдо мудростей, которые всплывали у него в голове.

Но нет, не стоит поддаваться слепому отчаянию, нужно просто включить голову и вместе с ней подтянутся нормальные, логические домыслы. В первую очередь в борьбе с такими глупыми мыслями помогает старая – добрая логика. Ведь, если подумать, живется ему не так уж и плохо, если быть до конца честным – отлично. В его жизни до этого не было больших проблем. Они были так же далеко, как и тот мир во сне, который, возможно, существует.

На самом деле, он в этом даже не сомневался.

Рука его невольно потянулась к карману. Достав из него листик и тонкой бумаги. Надпись на нем гласила «ПАЙПЛ РОАД 22. Второй этаж...»

На обратной стороне был нарисован какой-то символ. Черный значок с изображением двуглавого орла, сидящим на человеческом черепе. Примечательно, что когти птицы были воткнуты в глазные щели, а одна из голов опущена, словно орел хотел чем-то полакомиться. И этот неизменный мертвый оскал обнаженных костей... в этом была какая-то загадка. Этот знак – словно предупреждение об опасности. Или же это просто бессмысленный рисунок.

Но, если подумать, не может быть в делах столь тонких и древних, как тот старик, чего-то бессмысленного. В конечном итоге у каждой мелочи в этом мире есть своя конечная цель.

Он стоит посреди той улицы, окруженный магазинчиками, под полупрозрачными навесами которых они с Ребеккой скрывались от дождя. Все это время они с ней не разговаривали, ни по телефону, ни вживую. Не виделись. Молчание Ребекка беспокоило его, ему было стыдно

за те слова, что нелепо и от того так остро ранили ее. Он хотел извиниться, всей душой. Но для этого было слишком рано. Но сейчас это, как и многое другое, не было для него так важно.

Магазина с часами он так и не нашел на том месте. Вместо него был один из тех киосков с сувенирами вроде фигурок Бакса Бани и Микки Мауса, которые в принципе то были здесь нелегальны, потому как парк не принадлежал Диснею. (Хотя кому есть до этого дело, все равно в эти лавки никто не заходит)

Майкл стоял, нелепо смотря на лавку. Отчасти он предвидел это исчезновение, поэтому не спешил идти на то место. Ему из разных книг и фильмов было известно, что колдуны и прочие шарлатаны способны на такое. Черт возьми, мать твою за ногу СУКА! Ведь от этого старика может зависеть вся его жизнь!

Но ничего, есть визитка. А на ней... адрес, который привел бы мальчишку куда-то. А вот куда, это уже зависит не от него.

– Простите, а где находится улица Пайпл Роуд. – Спросил он у случайного прохожего.

– Вы что, не местный?

– А это так важно?

– Да нет... просто, думал, этот адрес знают все. – Он указал прямо, в сторону высоких бизнес-центров. – Видите, те небоскребы.

– Да.

– Вам туда. Улица проходит между теми двумя сигароподобными зданиями.

– Спасибо.

Этот совет не очень-то помог. Но теперь круг поисков можно было смело делать меньше. Вооружившись двадцаткой долларов и музыкой из наушников, он, сев на автобус, отправился к центру.

Из-за плотного потока автомобилей на дороге поездка затянулась. Солнце жгло своим безжалостным светом лицо Майкла через стекло. Дома цепочками из одинаковых Коробкоподобных фигур проносились перед глазами, улицы убаюкивали своей однообразностью. Пробки и вереницы светофоров превратили улицу в аттракцион звуковых и словестных (в основном состоящих из матюков) интермедий. В итоге Майкл потерял какую-либо бдительность и чуть не уснул под напором удушливой жары. Как вдруг в его плеере прозвучала песня, которая до этого звучала в его сне.

«Кашемир» «Отец...»

Его словно обдало ледяной водой. Он встрепенулся и вытащил наушники и бросил их в карман. Посмотрев в окно, он понял, что пропустил всего несколько домов. Вздыхнув с облегчением, он встал со своего места и направился к выходу из автобуса.

Автобус остановился, и из него тут же выбралось несколько человек. В толчее и путанице множества голосов Майкл не расслышал крика одного из своих друзей.

– Ей! Майки! Майкл!

Голос Расти, как оказалось, исходил из противоположной стороны тротуара. Майкл помахал в его сторону, но не очень воодушевленно, такие мелочи Расти всегда замечал. Друг перешел дорогу и вот они уже жмут друг другу руки.

– Ты чего здесь? — Спросил Расти.

– Да... кое-куда нужно съездить. – Неуверенно отвечает Майкл. Он был абсолютно убежден в том, что этих слов будет мало, что бы утолить информационный аппетит друга.

– А-аа, А я, ну, в общем, ждал тебя в парке, потом...

Тут в голове у Майкла вспыхнула мысль **«ТЫ СОВСЕМ О НЕМ ЗАБЫЛ. ОЛУХ!»**

– Прости, вот блин, забыл тебе позвонить. – От неловкости он начал чесать затылок рукой. – Я сегодня не смог бы все равно, ты уж прости. Последнее время совсем не собранный.

– Да нет, какие проблемы, – Отмахнулся друг – все нормально.

– Все же, я виноват.

– Тогда ты должен мне четвертак. — Улыбнулся Расти, но затем его улыбка сменилась удивлением, потому что Майкл сразу же достал из кармана четвертак и отдал его другу.

– На, – сказал он, улыбаясь в ответ.

– Мы отлично провели время с Ребеккой. – Сказал он сквозь улыбку, забирая из рук Майкла четвертак.

От этого имени все внутри Майкла сначала спалила злость, а затем этот пепел залил дождик грусти. Расти удивленно поднял брови.

– Ты чего насупился, шуток не понимаешь?

– Да нет, эту шутку я понял...

– Ну, знаешь, если про твою драгоценную Ребекку даже шутить нельзя, я просто...

– Извини, давай об этом забудем.

Расти улыбнулся, он был очень отходчивым.

– Куда это ты идешь? – Спросил он, лежа монету в карман джинсов.

– Хочу найти этой адрес. – Майкл протянул другу руку с бумагой. Тот взял ее и, посмотрев, указал рукой прямо.

– Вроде бы, если будешь идти прямо, попадешь именно туда, куда надо.

– Вроде бы?

– Просто, я тут не часто бываю, по этому... – На самом деле он почти никогда здесь не бывает.

– Ясно, все равно спасибо.

– А могу я пойти с тобой?

От этого вопроса Майкл резко остановился и ему в спину чуть не врезался какой-то хлопец, который таращился в свой смартфон и даже не обратил на их двоих никакого внимания.

– Слушай, это... – Майкл обернулся в сторону друга. В его голове уже начался необратимый процесс поиска подходящей брехни, но не мог придумать достойного оправдания, отчасти потому что в эту минуту его мысли были слишком законсервированы в подсознании, а отчасти, потому что не любил лгать друзьям. Вот таким был наш добряк Майки! – Ну ладно, давай. – Сказал он, натужно пытаясь лицом изобразить улыбку.

Они шли вдоль улицы. Тысячи окон многоэтажек отблескивали лучами солнца, отбивающимися от многослойных стекол. Свет косою лапой ложился на один из бизнес-центров, тем самым вторая половина здания уходила в густую тень, как бы испаряясь из душливой городской атмосферы. Майкл глазами искал номер 22, но никак не мог найти. Улица была широкой, и поток автомобилей на ней в полной мере можно было назвать «оживленным». Вокруг облаками клубился дым испод авто дурной запах заполнял собой весь здешний воздух. Огромное количество желтых такси кричали своими клаксонами. Вдоль этого безумного коридора тысяч и сотен тысяч чужих жизней просачивались два друга. За ними (они пока этого не заметили) шел человек. Тот самый, которого Майкл заметил в парке аттракционов.

Расстояние между ними было больше сорока футов. Больше ста человек стеной разделяли их и их убийцу, все то время, что они шли к дому 22 Майкла не оставляло желание обернуться. Он чувствовал, что если обернется, то уже не сможет сдержаться и побежит. Вперед, не оглядываясь. И никогда больше не...

Тут за его плечо ухватила рука и потянула назад. Он потерял равновесие и чуть не упал. Мимо него прошло несколько недовольных граждан, подозрительно смотрящих в его сторону. Перед ним, как он тут же понял, был светофор. Горел он красным светом.

– Ты чего? – обратился к нему голос друга.

Отряхнувшись от остатков тревожных мыслей, Майкл начал потихоньку приходить в себя.

– Извини, я... задумался.

Его друг кивнул.

– Похоже, ты задумался о чем-то очень конкретном и важном, раз забыл смотреть на дорогу.

– Я смотрел... – Он взглянул на дорогу, впереди улицу уже переходили люди. Светофор горел зеленым. – Ладно, это не важно, пойдем уже.

Они перешли дорогу. Все это время внутреннее ощущение тревоги лишь усиливалось в глубине Майкла.

– Ладно, – развел руками Расти, – рас уж ты не хочешь обговаривать со мной свои «ВАЖНЫЕ» дела, я буду молчать, но мне интересно, почему ты взял меня с собой?

– Потому что ты попросил, – просто ответил Майкл.

На это Расти ответил длинным удивленным взглядом.

Наконец они пошли в переулок. Там, где тень поглощала стены зданий до самых ног, можно было передохнуть от уличного шума. Но все же, отголосок той оглушающей симфонии все еще можно было различить в этой колючей тишине. Несколько бездомных/бомжей сидели на газетах, о чем-то разгоряченно (но неразборчиво, общаясь).

– Вот, – казал Расти. – Номер 22. —Он указал на узкий проход в здании.

– Да, я вижу.

Они шли медленно. Повсюду витал дурной аромат. Не вонючий, но и не очень приятный. Резал глаза. Окутывал разум и превращал мысли в хаос... Запах, напоминающий ему гниение...

– Ты это чувствуешь? —Спросил он у Расти.

– Запах? – Уточнил тот.

– Да, именно.

– Ага, будто что-то... умерло, «и теперь разлагается...»

Расти остановился. Майкл сделал несколько шагов вперед, оказавшись на самой середине двора. Теперь со всех сторон их окружали стены из многоэтажных жилых домов пугающий запах.

– Слушай, – Спросил у него Расти, – А куда именно мы идем? Что за адрес такой?

«Я и сам, честно говоря, не знаю» – Вертелось у Майкла на языке. Но он ничего не сказал. Слишком сильным стало его желание узнать.

Они с Расти смотрели друг на друга, в глазах обоих горел и страх и любопытство. Майкл до этого даже подумать не мог, что эти два чувства так тесно переплетены между собой. То, что люди именуют страхом, иногда гораздо сильнее подталкивает сердце переливать кровь быстрее, а адреналин наполнять человека силой. Ведь инстинкт самосохранения создан именно для этого – что бы сделать нас сильнее перед лицом опасности.

Шаг за шагом Майкл приближался к двери, которая была настезь открыта. Над ней горела лампа. Внутри было очень темно.

Расти стоял за его спиной, с трудом сдерживая себя в том, что бы ни сказать ему пойти назад. Они оба чувствовали тот самый страх, но Майкл умел им пользоваться; умел посылать адреналин туда, куда нужно. Как? Он сам не знал, но с самого детства его отношение к подобным напряженным ситуациям всегда было другим. Он не от чего не отворачивался. Например, вспоминая тот случай, когда они с матерью стояли рядом с киоском, в который на полной скорости посреди бела дня врезался красный мотоцикл, а водителю расплющило голову, даже через шлем проливалась красная кровь: тогда он смотрел просто в лицо водителю, больше пяти секунд, как ему показалось. Время тогда словно остановилось, капли дождя (из-за которого мотоциклиста и занесло на ровном месте) можно было детально рассмотреть в полете. Машины двигались совсем медленно.

Эта своеобразная «концентрация» случалась с ним всего пару раз за жизнь, но этого было вполне достаточно, что бы понять – родителям об этом знать не стоит. Слишком многое

и так стоит на кону их счастливой жизни, а если внезапно выяснится, что их любимый сын оказывается одним из Людей Икс, то, что тогда могло бы начаться?

Вот оно, вот чего Майкл боялся больше всего, и вот перед чем его чуть было бессильно: изменения. Их он страшился сильнее, чем всяких там сновидений.

– Здесь кто-то есть? – Крикнул он в темноту.

Та ответила лишь слабым, умирающим эхо.

– Давай вернемся. – Жалостливым тоном процедил Расти.

– Ты если хочешь, возвращайся. А мне еще нужно выяснить... – Майкл запнулся, и неловко добавил. – Выяснить кое-что.

– Да о чем это ты говоришь! – Крикнул его друг.

– Как ни будь я тебе все расскажу, а пока стой. И жди меня.

Стоя в темноте, Майкл обернулся назад. Контуры его друга были очерчены преломляющимся светом солнца, который резко контрастировал с непроницаемым мраком этого странного помещения.

– Подожди меня снаружи и не уходи. – Повторил, спустя несколько секунд, Майкл.

– ДА! Хорошо! Только ты ненадолго... – Но Майкл его перебил.

– Десять минут. Если я не появлюсь через десять минут, вызывай копов.

И он обернулся, Расти оторопело смотрел ему вслед, не понимая, почему Майкл сказал то, что сказал.

Погружаясь во мрак, Майкл заметил, что больше не чувствует запахов. Не слышит звуков. Даже собственные шаги ему кажутся далекими... такими древними, словно это шагал не он, а какой-то дух тысячи лет назад. Как будто смотреть немое кино от первого лица. В какой-то момент ему показалось, что если он что-нибудь скажет, то эти слова не доберутся до его ушей: так и потонут в этом киселе из звуконепроницаемого пространства. Это погружение в бесконечный коридор показалось ему простым, но долгим. Не было ни каких стен вокруг (теперь его это не волновало, он шел, как во сне и смирился с этим), никаких препятствий на дороге, лишь прямая.

Белое пятно впереди медленно, но уверенно разрасталось, меняя оттенок и становясь голубоватым.

Ему не было страшно, как и в любом сне (из тех, от которых потом не просыпаешься в холодном поту, конечно). Здесь, в этом длинном коридоре без стен и краев было лишь то пятно, которое увеличивалось, становясь еще желаннее. А подсознательный, почти допотопный интерес лишь преувеличивался с каждым новым шагом.

Внезапно пятно резко начало увеличиваться в размерах, словно до этого Майкл смотрел на него через обратную сторону бинокля, но теперь, поняв, что к чему, выбросил бинокль прочь.

Сила вдруг начала покидать его ноги, шаги стали казаться тяжелыми, а стопы ватными. Голова стала стальной гирей, а в легких появилось ощущение недостатка кислорода. Он задержал дыхание. Его глаза превратились в две сверкающие круглые монеты. Рука, которая так же нехило прибавила в весе, тянулась у светлому пятну впереди. Оно росло, превращалось, переливалось (все было как во сне) тепло приятно щекотало его лицо, от этого становилось спокойно. Восковое касание белого света приятно обжигало кожу, заставляя крохотные волоски на руках скручиваться и выгорать. Майкл, вопреки нарастающему жару во всем теле, был счастлив. Он не знал, почему: все это было слишком странно, что бы вот так бездумно улыбаться и кричать от радостного – почти безумного-смеха. Но Майкл смеялся; это был искренний смех радости. Затем, когда свет полностью его проглотил, внезапно, он почувствовал, как внутри его все вздымается вверх, как тошнота, вперемешку с болью наступают на голову. Казалось, он едет на скоростном лифте вниз, или вверх. На такой именно скорости он не мог опре-

делить. Вдруг все вокруг наполнил шум, придав свечению еще большей реальности. Теперь все это не казалось сном. Все внутри взбудоражено тряслось, а свист поднимался вместе с ветром. Белое свечение превратилось в прямой и сильный вихрь. Эта трясина захватила его в крепкие объятия, в этот момент – когда к телу прильнула новая, еще более сильная боль – ощущение сна окончательно выветрилось из его головы. А когда, наконец, все прекратилось, в голове стоял такой гул, словно отголосок пушечного выстрела.

Мысли еще долгое время приходили в порядок, возвращаясь, как книги, которые вышвырнули со своих мест на полках, а потом начали медленно распределять по своим местам. Мир прекращал вращаться, начал становится на место. Майкл осознал, что лежит на земле, на очень твердой земле, покрытой очень грубым мхом. Глаза его начали раскрываться, медленно, словно после долгого сна. Но как только он увидел-захотел закрыть, но уже не смог ответить взгляд.

Перед ним на десятки, и сотни тысяч метров стелился каньон. Горы, которые были за ним, казалось, тонули во мгле низких облаков, плывущих прямо в сторону верхушек каменных гигантов. Майкл поднялся на ноги, шокировано смотря вперед, на дюну, что осыпалась с края одной из скал. Тоннами песок переплывал, залетая в щели в земле, образуя подобие зыбучих песков. Солнце освещало золотистый бархат песочного ковра, который отблескивал сотнями тысяч маленьких солнц. Косые лучи огибали причудливых форм облака, превращая местный вид в мимолетный пейзаж, красивее и четче многих гениальных полотен. Все это было у него под ногами Майкла, его глаза не могли приспособиться к такому простору, оттого к горлу подскочила тошнота. Но это не остановило его. Майкл подошел к краю каменного плато и еще внимательней всмотрелся в этот завораживающий, но одновременно и пугающий вид. За каньоном стелился песок, доходя до самой полосы горизонта, а за тем горизонтом скрывалось нечто... он это «чувствовал».

Здесь, на верху, было так свободно, но так тихо. Не дул ветер. Была лишь дюна и каньон, и горы, тонушие в густой пелене жаркого воздуха.

От этого стало не по себе.

Майкл простоял на краю еще какое-то время, не думая, не дыша, а только прислушиваясь к тишине... К всепоглощающей тишине. В грудной клетке начал зарождаться крик, отчаянный вопль загнанного в угол зверя, но Майкл тут же проглотил его вместе с сухой, колючей пустотой, что образовалась во рту.

Прошло несколько минут. Окружающий вид уже утратил свою яркость и фантастичность. Теперь он просто раздражал.

Выбраться отсюда не представлялось возможным, так как плато было отрезано от внешнего мира пропастью. По сути, это место представляло из себя высоченный пик с затупленным острием. Так-то выход мог быть только одним...

Одинокие взгляды в сторону пропасти, а за ними, долгое и монотонное наблюдение за мхом под ногами.

Сидя на корточках у края, он ждал. Хотя бы чего-то. Надеялся, что произойдет хоть что-то. Но вместо этого его ждало время. Долгая цепь из ожидания...

Захотелось пить, есть, в туалет. Все в месте, в общем. Из-за этого Майкла взяла такая сильная злость, что он начал бездумно швырять камни в пропасть, те падали и без звука таяли в пустоте пропасти.

Он хорошенько размахнулся, и готовился было побить рекорд дальности, вобрал всю свою силу и злость в этом размахе и готов был привести в движение это машину смерти под названием «Правая Рука Майкла Брукса» но, сзади что-то брякнуло.

Майкл ошарашенно обернулся. Перед ним в нескольких метрах был костер, разгорающийся на полную силу, у костра лежали обноски: куски тряпок, шкура какого-то зверя и ножны от меча с золотистой гардой, отблескивающей ослепительными каплями света. Рядом с костром в турецкой позе сидел человек. Его лицо было скрыто за солнцезащитными очками из кожи и черного, непроглядного стекла. На голове был такого же цвета кожаный капюшон. В руках ржавая кастрюля и деревянная ложка. Он поднес кастрюлю к огню и принялся ждать.

Майкл и не заметил, как выпустил камень из руки, и тот рухнул. Он удивленно и ошарашенно смотрел в сторону незнакомца и силился что-либо сказать, но в голове не рождались мысли.

Наконец, убрав маску со своего лица и положив рядом с оружием, незнакомец приблизил ложку с подобием супа к лицу. Сначала понюхал, затем, положив ложку в рот с радостью съел. Лицо его казалось старым, щеки были покрыты бороздами от ветра или, возможно, какой-то хронической болезни, хотя по глазам можно было подумать, что этот человек совсем молод. В них зияла жизнь и сила, а еще несвойственный большинству людей интеллект.

Человек приподнял кастрюлю, тем самым призывая Майкла присоединиться к трапезе.
– Голоден? – Спросил он.

В ответ Майкл лишь кивнул головой.

Человек кивнул в сторону костра, и Майкл послушно сел с противоположной стороны от незнакомца. Тот, достав из большой сумки потрескавшуюся миску, наложил в нее несколько ложек густого супа и передал ее Майклу вместе со второй ложкой.

Голод, который до этого мучал его, исчез буквально после пары-тройки ложек этого питательного рагу. Все это время Майкл не сводил с незнакомца глаз.

Отдав человеку миску с ложкой, он раскрыл рот, что бы спросить, кто он, но человек поднял правую руку вверх, даже не смотря в его сторону. Этим самым и вовсе отбив любое желание говорить.

Все это время небо плавно переплывали небесные парусники, словно при слабом бризе. Было в этом что-то чарующее, но в то же время и страшное. Воздух на этом каменном плато был очень свежим, но обстановка внизу, в пропасти огромного каньона говорила о том, что места эти заброшены, в них нет какой-либо жизни. Конечно, ведь это пустыня. Но думать об этом с такой стороны Майкла заставляла не глупость незнания, нет. Было внутри него чувство, говорящее ему, что он когда-то что-то знал об этом месте и возможно был там, очень давно, но забыл об этом.

Где-то в дурмане жаркого дня, далеко-далеко на востоке или западе (Майкл не мог понять, в какой стороне что находится) густел призрак чего-то большого и высокого: тоненькая полоса, тянущаяся до неба, кажись, до самых звезд. А рядом с этой неброской линией яснил полумесяц неведомой планеты, похожий на кошачью улыбку. Такой же загадочной, как и все здесь, серп, тонущий в изменчивых облаках.

«Нет, ну это точно ночной кошмар» – Подумал Майкл и изо всех сил разорался безумным смехом, в котором было и неприятие, и страх и крупица отчаяния. Все это варилось в котле, на котором красными кровавыми буквами было написано.

НЕТ, ПРИДУРОК! ЭТО НИКАКОЙ НЕ СОН

Отсмеявшись, Майкл с надеждой посмотрел на молчаливого человека, пытаясь таким образом выцыганить из его недр хотя бы пару слов. Но странник молчал своим видом и подозрительной молчаливостью он напомнил Майклу персонажа Странника из Властелина Колец. Так и было. В чем-то незнакомец действительно был схож с актером Виго Мортенсенем.

Их разделяло лишь слабеющее с каждой минутой пламя. Глаза неизвестного горели ярче костра, смотрели вперед, через Майкла, изучая... И внезапно Майкл его до дрожи испугался. Ему казалось, что нет человека опаснее в любом из миров, чем вот такой вот молчаливый тип.

Кто знает, что варится у него там, в казанке, наверху? Возможно, он один из тех, кто сначала кормит свою жертву, приводя к доверию, а затем... что угодно, только ничего хорошего.

Осилив себя, Майкл спросил:

– Извините за вопрос, он может показаться грубым и бестактным, но, все же... кто вы?

Незнакомец поднял свои ярко голубые глаза на парня, затем, черты его лица стали острее, серьезнее, Теперь он на сто процентов сходился с Королем Гондора. Но все же казался слегка – на мелкую дольку – грознее.

– Понимаю, у тебя ко мне много вопросов, – начал он тихо. Его голос был хриплым или даже немного гнусавым, это ярко контрастировало с его внешностью. – Но, к моему сожалению, нам с тобой еще предстоит преодолеть длинный путь, нужно спешить.

– Стойте, погодите. – Майкл встал. Он чувствовал себя еще хуже, чем Нео из Матрицы, когда впервые узнал о том, что произошло На Самом Деле. Ему тоже хотелось бежать, но куда, прости господи, бежать, если тебя со всех сторон окружает пропасть! – Что это все значит? Куда я попал. И самое главное – кто вы, нафиг, такой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.